



Елена
ЛЕНЁВА

ТАЙНА
ЛОЭНГРИНА

16+

Елена Ленёва

Тайна Лоэнгрина

«Автор»

2022

Ленёва Е. В.

Тайна Лоэнгрин / Е. В. Ленёва — «Автор», 2022

В Баварии погибает Вольф Эппенштейн — русский немец, посетивший родину предков. Кому мог помешать неизвестный русский? Спустя двадцать лет жизнь его сына также подвергается опасности. Кто и зачем охотится на эту семью? Младший Эппенштейн и следователь баварской полиции подполковник Шлоссер пытаются найти ответы на вопросы. Поможет ли им средневековая легенда о Лоэнгрине? А возможно, и сам "сказочный король" Людвиг Второй Баварский откроет скрытые в веках тайны.

© Ленёва Е. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

От автора	5
Глава I	6
Глава II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Ленёва

Тайна Лоэнгрина

От автора

Автор пишет эти строки и выносит их в начало повествования уже после того, как детектив «Тайна Лоэнгрина» закончен и поставлена последняя точка в расследовании преступления. Парадоксально, но именно судьба короля-романтика Людвига Второго и загадочная его смерть заострили мое внимание на темах, которые и сейчас, почти полтора столетия спустя, звучат ох как остро и злободневно. А еще какое-то мистическое (и трагическое!) переплетение судеб России и Германии...

Выводы автора – это художественный вымысел, основанный на личном впечатлении, а также изучении и анализе исторических материалов.

Эта книга не была бы написана без поддержки близких и друзей, многие из которых живут в Германии. Особую признательность хотелось бы выразить замечательному человеку, «русскому немцу» Иосифу Михайловичу Гоферту (Josef Hoffart, Sohn des Michels), за консультации по языковым и юридическим вопросам и рассказы о полицейских буднях Германии.

Глава I

26. April 1851. Schloss Hohenschwangau, Bayern / 26 апреля 1851 год. Замок Хоэншвангау, Бавария

Сколько раз за последнюю неделю Людвиг просил мамочку почитать ему книжку? Не один раз. Но мама не обращала внимания на просьбы сына, она была занята королевскими делами. Иногда мама находила время, чтобы прогуляться с сыновьями – Людвигом и Отто – по дворцовому парку. Это были чудесные мгновения, но они так быстро заканчивались. А Людвигу хотелось большего: хотелось прижаться к маме и слушать звучание ее голоса. У нее такой чудесный голос.

Людвиг знал, что у мамы много дел, но все же подошел к ней и протянул книгу. Он ничего не говорил, лишь просительно улыбался.

– Мне некогда, Людвиг, – Мария нежно погладила сына по голове. – Сегодня вечером приезжают гости, мне необходимо отдать распоряжения слугам и проследить за их исполнением. Попроси фрау Сибиллу почитать тебе. Или фройляйн Хельгу.

Людвиг прижал книгу к груди, на глаза навернулись слезы: мама совсем не проявляет интерес к его увлечениям. Вот и сейчас отправляет его к воспитательницам. Фрау Сибилла Милхаус очень милая дама; кроме обязательных занятий, она часто играет с ним. Хельга, то есть фройляйн Беккер, конечно, почитает ему книгу, если он попросит. Хотя при этом обязательно возведет глаза к небу (Людвиг понимает, что это означает). Но разве может сравниться чтение фройляйн Беккер с нежным голосом мамы! Мама перекачивает слова словно стеклянный шарик. А как она пахнет! Как улыбается... К тому же, пока мама читает, ее можно обнять и прижаться к ней. Нет, общение с фройляйн Беккер – совсем не то, чего ему хотелось.

Мария Фридерика Франциска Гедвига, мама Людвига, поняла, что ее старший сын расстроен, вздохнула:

– Ты уже сам умеешь читать, Людвиг.

Конечно, он научился читать. Не так быстро, как взрослые, но читать он умеет. Однако дело не в этом...

– Ну, хорошо, – наклонилась она к нему, улыбнулась. – Хорошо, Людвиг. Приходи с Отто в мою гостиную. Я вам почитаю.

– Спасибо, мамочка. Мы остановились на том, что Андвари отдает сокровища Зигфриду.

Людвиг обожал гостиную матери: со стен на них смотрели рыцари и принцы, когда-то жившие здесь. Впрочем, он обожал не только эту комнату; он любил весь дом, который казался ему сказочным дворцом.

Ему было шесть лет, а брату Отто как раз завтра исполняется три. Готовится праздничная церемония по случаю дня рождения младшего сына баварского короля Максимилиана, и юные кронпринцы уже неделю примеряют новые одежки и туфельки, в которых они должны появиться на празднике. Королева выбрала для каждого сына свои «геральдические» цвета, которые, по ее представлениям, соответствовали мальчикам: для Отто был выбран красный цвет, а для Людвига – небесно-голубой.

Гостей будет немного. В Зале героев накрыто на сорок персон; у каждого места карточка с именем того или иного гостя. Обязательно приедет на торжество граф Карл Теодор фон Хольнштайн с сыном Максимилианом. Молодой граф нравился Людвигу. Когда королевская семья останавливалась в Мюнхене во дворце Нимфенбурге, Максимилиан часто бывал у них. Ну и

пусть он старше Людвиг на десять лет! Макс – веселый, жизнерадостный юноша, а разница в возрасте не мешала им хорошо ладить.

Максимилиана ждет блестящая карьера: ему шестнадцать, а он уже камер-юнкер¹ и офицер Первого Кирасирского полка. О, это ведь так мужественно – служить в кавалерии, носить кирасу и каску с черным хвостом, развивающимся на ветру². А лошади! Лошади в кавалерии великолепны.

Людвиг очень любит лошадей, он никогда не испытывает страха и недоверия к этим великолепным животным, с удовольствием занимается верховой ездой. Пожалуй, верховая езда – его любимое занятие. Еще ему нравится плавание и фехтование.

Шестилетний кронпринц ждал Хольнштайнов. Он только не понимал, почему Макс всегда приходит с отцом. А где же его мама? Людвиг никогда ее не видел; лишь ее портрет – графиня очень красива! – в *Галерее красавиц* во дворце Нимфенбурге. Он догадался, что это мать Максимилиана, когда прочел надпись на портрете: «Каролина, графиня фон Хольнштайн, урожденная баронесса фон Шпиринг». Однажды он задал вопрос фрау Сибилле, почему Макс приходит с отцом, но та лишь пожала плечами. А фройляйн Беккер сказала по секрету, что это семейная тайна Хольнштайнов: графиня, мать Макса, живет с другим мужчиной. Как это возможно, Людвиг понять не мог, но переспрашивать не стал. Он лишь смотрел с обожанием на портрет Каролины Хольнштайн и восторгался ее красотой. Недаром его дед поместил портрет матери Максимилиана в своей Галерее.

Людвиг знал также, что среди гостей будут две девочки: герцогини Баварские София и Амалия-Елизавета. Сестры приходились двоюродными тетями наследным баварским принцам. Елизавета была старше Людвиг на восемь лет, но мальчик ждал именно ее, красивую и добрую фею, которая понравилась ему с первой встречи. Младшей сестре Софии четыре года, но она у принца интереса не вызывала. Девочка как девочка. А вот Елизавета ему очень нравилась. Это она рассказала Людвигу о нибелунгах.

Потом он часто просил мамочку почитать ему о подвигах Зигфрида и о «детях тумана» – мифических древних карликах – нибелунгах. Он никак не мог понять, каким образом карлик Андвари, хранитель золота нибелунгов, превращался в рыбу. И главное, зачем? Почему не в дракона?

Пока мама читала несколько страниц эпоса, Отто заснул (Людвиг понимал, что брат еще маленький, ему трудно сидеть без движения и слушать длинные сказки), но это даже хорошо: Отто спал и не мешал брату наслаждаться голосом мамы и фантазировать. Трехлетнему Отто не очень нравились сказки, ему нравилось складывать из множества бумажных фигурок различные картинки.

Людвиг ждал завтрашний день. Он ждал Елизавету. А может, девочки приедут уже сегодня вечером? Он мог бы спросить об этом маму, но не решался. *Возможно, Людвиг влюблен в Елизавету?* Ведь представлял же он ее в роли Кримхильды, необыкновенной красавицы, которая обрекла на смерть многих доблестных воинов.

Он раскраснелся. Елизавета, несомненно, красавица, это правда. Но она уже взрослая. Ей четырнадцать лет. Говорят, она скоро может выйти замуж. Жаль... Жаль, потому что тогда они будут видеться реже.

Так влюблен он в Амалию-Елизавету или нет? Шестилетний Людвиг задумался. Нет, скорее, ему просто не терпится поделиться с ней рассказами о Зигфриде – победителе Дракона...

Мария закрыла книгу, поцеловала Людвиг и спящего Отто и ушла по своим делам. Людвиг знал, что остаток сегодняшнего дня он будет предоставлен самому себе. Хорошо, что

¹ Камер-юнкер – дворянская должность. Обслуживает особу императора, короля или курфюрста в его комнатах (точный перевод с немецкого: «комнатный молодой дворянин»).

² Кирасиры – латники, тяжелая кавалерия, одетая в кирасы. Кираса – элемент нательного защитного снаряжения, состоит из грудной и спинной пластин.

мама почитала им. Ей все время некогда, у нее много забот. И отца Людвиг видит нечасто. Как правило, тот заходит к мальчикам по вечерам, чтобы пожелать им доброй ночи. Он не понимает, почему отец так строг с ним. Ведь Людвиг очень старается хорошо учиться и быть послушным. Отец – король Баварии. Поэтому у него нет времени поиграть с сыновьями. У него государственные дела.

Людвиг поднялся на верхние этажи замка. Как же он любит этот дом. Здесь так красиво! Дом похож на замок сказочных королей. Хотя короли здесь живут совсем не сказочные. Его отец Максимилиан – настоящий. И дед Людвиг тоже был настоящий король. Это по настоянию деда так называли внука, потому что у них, у него и деда, день рождения совпал: двадцать пятое августа. А деда так называли в честь французского короля Людовика, которому его подданные почему-то отрубили голову. (Об этом рассказывали в доме.) Людвиг обожает деда, между ними сложились замечательные отношения. Но, к сожалению, видятся они все реже и реже: дед любит путешествовать и застать его в Баварии нелегко.

Много лет назад замок Хоэншвангау принадлежал рыцарям Швангау, но со временем он превратился в руины. И отец (тогда он еще не был королем) купил эти руины и построил прекрасный дом. Как же ему с братом повезло, что они здесь живут! Жаль только, что родители редко уделяют им внимание. Особенно мама... Она такая красивая. Людвиг всегда любовался маминым лицом, фигурой, волосами, улыбкой. Часто наблюдал за ней из укромных мест, когда она занималась своими делами и не замечала сына. Он мог наблюдать за ней часами. Она такая красивая – мама Мария. Она тоже напоминала ему прекрасную Кримхильду, жену Зигфрида.

Так, в мечтаниях, шестилетний кронпринц Баварии Людвиг бродил по Хоэншвангау, королевскому замку, и в каждой мелочи он видел сказочный знак. Он рос фантазером и мечтателем.

Да, он очень любил свой дом: стоящий на холме, с башенками и балконами, изящными окнами. Людвиг любил забираться на верхние этажи, откуда открывался волшебный вид на густые леса и озеро Альпзее, по которому плавали белоснежные лебеди. Елизавета рассказывала, что горы Шварценберг – это окаменевший дракон, когда-то охранявший золото нибелунгов. Нижняя часть горной цепи – это голова дракона, увенчанная короной – старинным замком Хоэншвангау (да-да, это их замок венчает голову дракона!), а тело и хвост его обвивают озеро Альпзее. Ах как бы Людвигу хотелось взмыть в небо и посмотреть на горного дракона с высоты птичьего полета! Увидеть сверху озеро Альпзее и любимый Хоэншвангау!

Часто с Фритцем, королевским конюхом, Людвиг ходил на озеро и кормил дивных птиц. Фритц шутил, что кронпринц Людвиг «тройман унд романтикер»³. Фантазер и романтик, хм... – повторял он и смеялся. *Что означает романтик?* Людвигу нравилось это слово.

Лебеди в замке повсюду⁴: на картинах, декоративных украшениях комнат, настенных росписях и посуде. А еще в саду есть фонтан – красавец лебедь.

Но больше всего Людвигу нравится Зал лебединого рыцаря – столовая. В этот зал можно попасть, если подняться на второй этаж по винтовой лестнице. Стены разрисованы эпизодами саги о рыцаре Лоэнгрине. Людвиг попросил деда подарить ему на день рождения книгу о Лоэнгрине. Дед удивился такой просьбе, но пообещал найти издание с красочными иллюстрациями. Значит, в конце августа он получит книгу о лебедином рыцаре! И тогда он будет читать и мечтать о Лоэнгрине, спасенной деве и их любви. *Что такое любовь?*

Людвиг, улыбаясь, заходит в Зал героев. Это самое большое помещение замка, и завтра именно здесь соберутся гости. Кронпринц любит предпраздничную суматоху, а еще он любит рассматривать картины на стенах о герое Дитрихе фон Берне – витязе и предводителе дружин, который сражался с карликами, великанами и разными дикими людьми.

^{3 3} Träumer und Romantiker – фантазер и романтик (нем.).

^{4 4} Хоэншвангау буквально переводится с немецкого как «высокий лебединый край».

Так рассказывала мама. Но эту сказку Людвиг еще не читал.

26. April 2018. Schwangau, Regierungsbezirk Schwaben, Bayern / 26 апреля 2018 год. Швангау, округ Швабия, Бавария

Сколько раз за последние сутки Сильва Эппенштейн довольно потирал руки и счастливо улыбался? Раз двадцать наверняка. И когда хозяйка, тетя Грета, поселила его в комнату, стены которой украшали картины и литографии немецких художников на сюжеты древнегерманской мифологии и рыцарских времен (есть некая таинственность в таком оформлении), и когда он подходил к окну, в восхищении затаив дыхание от великолепных альпийских пейзажей, и когда кот Теодор укладывался с ним в постель и урчал как паровоз, не давая заснуть, а Сильва млеет от удовольствия.

Да и много чего еще приводило его в восторг. Места здесь поистине сказочные с особенной атмосферой: уютные деревушки, леса и долины, голубые озера, скалистые горы в заснеженных шапках.

Особняк Schatten⁵ находится не на самом холме, но и не совсем в низине, из него не видно главной достопримечательности этих мест – замка Хоэншвангау. Но если выйти из усадьбы и пройти метров триста, то на изгибе дороги, ведущей в деревню, лес расступается и открывается чудный вид: внизу деревня Швангау, а чуть выше – башенки и шпили бледно-желтого замка. А вокруг – леса, горы, озера.

Другую знаменитость – Нойшванштайн – из-за холмов и лесов отсюда никак невозможно увидеть, но до нее тоже рукой подать.

От Швангау, где жители круглый год вынуждены лицезреть туристическую братию, до этой усадьбы километра три. Сильва подумал, что нынешняя и будущие хозяева дома должны неустанно благодарить своих предков, облюбовавших для своего жилища это местечко, затерянное среди альпийских лесов и озер. Вероятно, они предчувствовали, что замки странного «сказочного короля» однажды начнут привлекать внимание миллионов приезжих, поэтому обосновались хотя и в самом центре исторических мест, но в то же время чуть поодаль от королевских дворцов. А места здесь поистине роскошные.

Первый раз Сильва посетил Schatten шестнадцатилетним юнцом. Сейчас ему тридцать семь. Спустя двадцать один год он во второй раз оказался в этом доме, приехал по приглашению тетушки. Тетушка – родственница в шестом колене – шестипородная. Получается, что у нее и отца Сильвы прапра- (всего шесть «пра») дед был общий. Вот от него-то, Луитпольда Эппенштейна, и пошло родство. Конечно, общие предки были и до Луитпольда – у тетушки Греты имеется Familienstammbaum, то есть *родовое* или, как модно говорить, *генеалогическое древо* с корнями, ветвями и листьями («листья» – самые младшенькие, вроде него), но Сильву поиск своих корней не то чтобы не интересовал, но казался не особо важным. Эта *немецкая часть его души* умерла более двадцати лет назад вместе с гибелью отца. Собственно, он здесь именно поэтому.

Неделю назад в его московской квартире раздался телефонный звонок. Звонили из полиции. Московской полиции. Оказывается, его разыскивал следователь криминальной полиции Баварии Шлоссер (Сильва не раз удивлялся тому, что говорящие немецкие фамилии, как правило, не соответствуют их обладателям: «шлоссер» означает «слесарь»). А звонивший был не слесарем, а важной персоной следственных органов). У баварской «Крипо»⁶ появились новые сведения о гибели Вольфа Эппенштейна, отца Сильвы. Исходя из вновь полученных данных

⁵ Schatten – тень (нем.), Schatten von Villa – Вилла Шаттен – название особняка.

⁶ Kripo – разговорный и сокращенный вариант немецкого «Kriminalpolizei», часто употребляемый среди полицейских. Криминальная (Уголовная) полиции Германии задействована при расследовании тяжких преступлений.

следователь предположил, что убийство «русского немца» было кем-то спланировано, то есть у преступления есть заказчик. Странно. Тогда, в девяносто седьмом, полицейские убеждали, что смерть отца – это трагическая случайность: Вольф невольно оказался на месте разборок двух хулиганских банд. Его пырнули ножом, и рана оказалась смертельной.

Что же изменилось с тех пор? У полиции появились новые сведения? Неужели нашли убийц отца? Какое-то время после его гибели родные надеялись, что преступников найдут и покарают, но с годами эта надежда казалась все более призрачной. И только дед, Рудольф Иосифович Эппенштейн, не смирился с таким положением вещей, он продолжал верить в правосудие.

Неужели и вправду дело сдвинулось с мертвой точки?

В советское время семья Эппенштейнов жила в городе Шевченко, на Каспии. Город был назван в честь украинского поэта-кобзаря Тараса Шевченко, который отбывал в девятнадцатом веке в этих местах ссылку. В нынешнее время город называется Актау. И отец, и мама работали в нефтегазовом секторе. Семья отца жила в Казахстане с тридцатых годов, а мама приехала в Шевченко в конце семидесятых после окончания Грозненского нефтяного института. Родители работали в нефтегазовой разведке. На работе познакомились и очень быстро поженились. Анна Дмитриевна Самойлова, русская красавица с русыми волосами и голубыми глазами, стала Эппенштейн. Подруги завидовали, считая, что она вышла замуж за еврея (почему-то евреи считались верными и надежными мужьями), знакомые усмехались (опять же: «Самойлова теперь Эппенштейн»), а мама и отец не обращали внимания на пересуды, любили друг друга и жили счастливо. Отец был самый настоящий немец, а не еврей.

С развалом Союза обострились межнациональные отношения, и многие русские (а Сильва считает себя русским, хоть и немцем по отцу... вот такой парадокс – русский немец!) вынуждены были уехать из Казахстана. Эппенштейны переехали на родину Анны в Волгоградскую область, нашли работу по специальности – в Арчединском нефтегазоносном районе.

В девяностые годы появилась возможность ездить за границу, и дед Рудольф упросил сына поехать в Германию: на родину предков. Почему нет? Тогда отец с дедом предприняли вояж по объединенной стране. А когда вернулись, Вольф объявил жене и сыну, что хочет перебраться в Германию. Мама противилась, Сильва тоже не особо стремился уезжать из России. Хоть и бедная, и несчастная страна была в то время, но своя, родная.

В конце концов решили, что отец поедет один, обживется какое-то время, подыщет работу и жилье и вызовет семью. Было это в девяносто шестом году. Через пять месяцев Вольф Рудольфович сообщил, что можно приезжать, все готово для встречи родных: он нашел работу в нефтедобывающей компании в Нижней Саксонии и арендовал небольшой домик в хорошем месте, на берегу озера.

Анна и Сильва начали оформлять документы. «Давай попробуем, – убеждала Анна сына, – не сложится, уедем. Не хочу папу оставлять одного».

Пока они оформляли документы, случилось непоправимое.

Как и почему отец оказался в Баварии? Нижняя Саксония – это север Германии, а Бавария – юг. Правда, отец рассказывал по телефону, что нашел каких-то родственников в Баварии и собирался с ними встретиться.

На тетушку Грету вышли полицейские. Нашли в кармане отца записку с ее адресом. Генриетта фон дер Сакс, урожденная Шпонгейм, проживала в городке Швангау, который находится в округе Швабия. И так получалось, что отец за два часа до гибели был у нее в гостях. Можно сказать, что от нее он ушел в последний свой путь.

Сильва тогда первый раз приехал в Германию, чтобы забрать тело отца. Он приехал с дядей, братом мамы. Мать они с собой не взяли, сказали ей, что справятся сами. И справились. Несмотря на свой юный возраст – Сильве только исполнилось шестнадцать, он лучше сорокалетнего дяди разобрался в бюрократических формальностях; транспортировка тела в Москву

требовала много внимания, эмоционального напряжения и хлопот. От дяди толку было мало. Не зная ни слова по-немецки, дядя терялся, бесконечно надоедал племяннику с переводом и, в конце концов, оставил все заботы на Сильву, а сам, как говорится, был на подхвате.

Сильва мысленно благодарил деда, который научил его так «шпрехен» по-немецки, что его, Эппенштейна-младшего, принимали за самого настоящего немца. Это дед, а не отец, с раннего детства разговаривал с ним на языке Гете и Шиллера и со школьного возраста заставлял читать немецкие книги. Иногда под страхом схлопотать ремня, глотая слезы, Сильва перечитывал «Страдания юного Вертера», новеллы Гофмана или рассказы Шиллера (книжица Шиллера, бережно хранимая в домашней библиотеке, была издана в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году; рассказы «Прогулка под липами» или «Старик и мальчик» от многократного прочтения были затерты до дыр). А однажды дед принес «Три товарища» и положил перед ним: «Читай!» На возражение, что Сильва уже прочел Ремарка на русском языке, дед отреагировал своеобразно: разозлился и таки пару раз стеганул внука ремнем: «Только идиоты читают книги в переводе, если они могут прочесть их в оригинале!»

Но как же он благодарен деду Рудольфу за эту науку! За немецкий язык, книги, историю, воспитание.

Дед замкнулся после смерти сына, отгородился ото всех. И только с внуком продолжал общаться. И принципиально по-немецки.

Именно тогда, в девяносто седьмом, Сильва и познакомился с тетей Гретой, в то время пятидесятитрехлетней фрау. Она пригласила Сильву и дядю Юрия в дом, искренне переживала о смерти Вольфа, хотя видела его всего однажды. Рассказала, как они познакомилась.

В то время не было социальных сетей и интернет только-только начал появляться (неужели это было совсем недавно?). Отец искал родственников в Германии. Оказывается, фамилия Эппенштейн достаточно редкая. Однажды он разговорился с коллегой по работе. Тот рассказал, что слышал о замке Эппенштейнов, который находился, по его представлениям, в Баварии. Тогда отец записался в университетскую библиотеку Оснабрюка и стал искать там сведения о своей фамилии. В Оснабрюке нашел частного детектива, поручил ему поиски родственников. Детектив обнаружил заброшенный замок Эппенштейнов в Австрии и отыскал двух стареньких фрау-близняшек с такой фамилией в Баварии. К ним отец и отправился. Фрау-близняшки очень удивились, когда русский Вольф Эппенштейн предстал перед ними. Они даже не знали о существовании «русской ветви» старинного рода. Фрау сообщили, что последний отпрыск по мужской линии умер два года назад. А тут объявляется Вольф! Было от чего разволноваться. Они же позвонили Грете, дальней племяннице, и сообщили о появлении Вольфа.

От тетушек отец на такси отправился к Грете (записку с адресом потом отыскивали в кармане Вольфа полицейские). Грета, с ее слов, была очень рада знакомству с Вольфом. «Он был чудесный, веселый, большой и красивый», – говорила она. Собственно, общались они всего-то часа три, потом Вольф уехал, пообещав обязательно вернуться в ближайшие выходные. Он хотел успеть на вечерний поезд, который отходил из Мюнхена. Грета отвезла его на машине в Фюссен, где он сел на электричку до столицы Баварии.

К сожалению, что-то случилось с поездом на линии, и всех пассажиров попросили перейти в другую электричку на одной из станций. Вместе со всеми пассажирами Вольф вышел из вагона и направился по переходу на другую платформу. Но не дошел, получил удар ножом в сердце. Там, на этой станции, неизвестные молодые люди затеяли драку. Отец находился неподалеку от хулиганов и попал под раздачу. Возможно, его приняли за кого-то другого. В общем, непреднамеренное убийство. Так сказали полицейские, и все указывало именно на это.

Сильва тогда решил, что больше никогда не приедет в Германию. И он не приезжал. Однако отношения с тетей Гретой Сильва поддерживал: поначалу они друг другу писали письма, а с появлением социальных сетей общение стало более частым. Три года назад тетя

Грета посетила Россию: была в Москве и в Волгограде, где живет мама. И конечно, она неоднократно приглашала «либэ неффе»⁷⁷ в гости. Наконец, Сильва решился на поездку в Баварию, планировал посетить тетушку в июле-августе. Но обстоятельства сложились так, что Сильва оказался на вилле Schatten раньше намеченного срока.

Он оказался здесь не только потому, что Генриетта фон дер Сакс, шестияродная тетьа, пригласила его погостить в своем доме, расположенном в удивительно красивом месте неподалеку от замков Людвиг Второго, но и потому, что немецкие полицейские нащупали нечто необычное в гибели Вольфа Рудольфовича Эппенштейна, отца Сильвы. У них появились сведения, что это убийство произошло отнюдь не случайно. Но, видит Бог, совершенно непонятно, кому мог помешать русский немец Вольф Эппенштейн?

* * *

Кот Теодор, породы немецкий рекс, подошел к Сильве, стал на задние лапы и потянулся к нему передними. Кончик узкого длинного хвоста подрагивал.

– Хочешь на ручки, Тео? – улыбнулся Сильва.

– Мау, – подтвердил кот.

Сильва поднял Тео на руки, а кот обнял человека и заурчал так громко и сладко, что Сильва задохнулся от нежности.

Теодор – котик небольшой (порода такая), веса в нем килограмма четыре, не больше. Вообще-то он вполне взрослый кот, ему два с половиной года. Он черного, вернее, темно-серого цвета; шерстка короткая и шелковистая с завитками. Мех у него мягкий, его так приятно гладить! У Тео прилично развита мускулатура; небольшая мордочка выдается вперед, взгляд пытливый, уши широко расставлены. Глаза тоже широко расставлены, золотистого окраса, правда, один глаз как бы затянут поволокой (Грета сказала, что у него в детстве была какая-то кошачья инфекция, и после этого глаз стал плохо видеть). Но несмотря на этот дефект, его взгляд был настолько выразителен, а эмоция так хорошо читалась, что Сильве не составляло труда понимать все, чего желает мистер Теодор. То есть *gerrr* Теодор.

Кот не отходил от гостя весь вчерашний день, а когда после обильного ужина Сильва ушел в свою комнату и прикрыл дверь, Тео закатил скандал: вопил под дверью так, что пришлось его впустить. С момента их знакомства кот не оставлял Сильву ни на минуту, шагу не давал ему ступить, был все время рядом. Что бы это значило?

Да и Сильва признавал, что эта живая душа ему необычайно дорога. Может, он пришел на смену Степки? После ухода Степки, бездомного пса, найденного на помойке в начале двухтысячных и ставшего верным другом Эппенштейнам на долгие пятнадцать лет, Сильва решил, что больше животных в дом брать не будет. К тому же новая работа предполагала много разъездов. Но Теодор, кажется, поколебал решимость Сильвы в отношении домашней живности.

Вчера, переступив порог особняка, Сильва услышал странные раскатистые звуки: по лестнице, ведущей с верхних этажей в прихожую, спускался кот. Сильва понял, что странные звуки издавало это чудное животное, и рассмеялся. Кот, наверное, услышал, что к дому подъехал автомобиль (Сильва добирался из Фюссена на такси), и таким неласковым поведением решил встретить гостя. Грета на него прикрикнула, но тот не обратил внимание на хозяйку. Он выгнул спину и медленно спускался к двери.

Сильва чуть наклонился, протянул ему руку. А дальше произошло невероятное. Котейка остановился и смотрел на гостя, не мигая, с минуту: то ли с испугом, то ли с обожанием. Потом заурчал и начал тереться о его ноги, чемодан, рюкзак.

⁷⁷ Lieber Neffe – дорогой племянник (нем.).

– Это еще что такое? – удивилась Грета. – Он не любит чужих, прячется или обходит стороной. Даже мои внучатые племянники, которые приходят с кошачьими подарками, не удостоиваются такого внимания, как вы, Сильвестр. Вы первый человек, которого Теодор признал.

Сильва скривился. Он не любил, когда его называли Сильвестром. А между тем именно это имя значилось в его паспорте. Об этом мало кто знал, разве что представители официальных органов. Сильва Вольфич – так звали его дети (он тренер детской команды по плаванию), а друзья и родные – просто Сильва. Удивительно, но даже при знакомстве никто не спрашивал, откуда у него такое странное имя. И надо сказать, имя ему очень шло.

– Фрау Генриетта, все зовут меня Сильвой. Сильвестр – слишком официально.

– Хорошо, Сильва, – она засмеялась. – Звучит неплохо. Хотя мне больше нравится Сильвестр. Это очень красивое немецкое имя.

– Латинское. К тому же происходит от латинского «сильва», что означает всего лишь «лесной».

– Значит, ты дикий лесной человек. – Грета рассмеялась. – Дикий русский, в общем. Мне нравится. Тогда и ты, дорогой Сильва, не обращай ко мне «фрау Генриетта», а называй просто по имени.

– Цугештемт, либе Грета⁸.

Пока Сильва снимал верхнюю одежду, переобувался, доставал из рюкзака подарки, Генриетта фон дер Сакс тайком рассматривала своего гостя. Ростом он намного ниже отца (Вольф был высок и могуч, на полголовы ее выше, а она немаленькая – сто семьдесят сантиметров... может, сейчас чуть поменьше, возраст!). Сильва строен, хорошо сложен, мускулист, подтянут. У него красивые глаза серо-зеленого цвета. Взгляд пыливый, цепкий и очень дружелюбный. Нос с небольшой горбинкой как у отца, а вот губы – пухлые и четко очерченные – от матери. Легкая небритость шла ему. Волосы русые с рыжиной, густые, коротко подстрижены. Да, русский племянник обладал привлекательной внешностью и добрым нравом. Он общителен и доброжелателен с людьми. За двадцать лет знакомства с Сильвестром Грета ни разу не находила его в плохом настроении, не слышала от него грубых слов. К тому же у него развито чувство такта, чем не может похвастать большинство современной молодежи, и хорошая интуиция. В общем, ее далекий родственник, которого Грета с удовольствием называла племянником, очень приятный и позитивный человек. Даже кот Теодор, который редко кого удостоивает взглядом и уж тем более лаской, сразу полюбил нового гостя.

А Теодор напросился к Сильве на руки и сразу полез обниматься.

– Невероятно. – Грета от удивления взмахнула руками. – У тебя есть домашние животные?

– Нет, к сожалению. Я часто бываю в командировках.

– Ну что ж, пойдем, я покажу тебе дом и твою комнату. Да... – запнулась она на мгновение, – герр Шлоссер обещал прийти завтра в три часа дня. Он хотел бы поговорить с нами обоими.

– Я знаю. Мы общались перед моим отъездом. По телефону, разумеется.

Так произошло знакомство с домом и котом.

* * *

После обнимашек с Тео Сильва решил прогуляться. Погода замечательная: солнце, плюс пятнадцать. Через три дня обещают резкое похолодание и даже снег, а сейчас лучше воспользоваться моментом для прогулок по окрестностям. Весенние Альпы великолепны. Впрочем, летом и осенью немецкие предгорья Альп также хороши, а зимой – «рай для горнолыжников и

^{8 8} Zugestimmt, liebe Greta – Договорились, дорогая Грета (нем.).

сноубордистов». Так пишут туристические путеводители. Но путеводители не могут передать и сотой доли того, что видит потрясенный путешественник, впервые попавший в эти места.

Пока Сильва одевался и обувался, Тео крутился у входной двери, издавал какие-то непонятные звуки, всем своим видом выражая недовольство. «Что-то он нервничает, – заметила Грета, – Теодор, перестань ругаться!» – «Не хочет, чтоб я уходил, – засмеялся Сильва и обратился к коту: – Дружочек, я на пару часов, не надо волноваться».

Тео сделал вид, что обиделся (а может, на самом деле обиделся... кто их разберет, котов!), отвернулся от Сильвы, поднял свой тонкий хвост и побежал в малый салон (в доме два салона: большой – направо из прихожей и малый – налево. Здесь же, в малом, находится кухня, отделенная от основного помещения небольшой перегородкой без двери). Сильва понял, что кот будет наблюдать за ним в окно до тех пор, пока он не скроется из виду, и, вероятно, будет ждать его возвращения тут же – на подоконнике.

Грета предложила взять машину, но Сильва отказался. Каких-то три километра до центра Швангау и обратно столько же – это не расстояние. Захотелось пройтись по лесным дорогам, подышать альпийским воздухом и поснимать баварские красоты.

До обеда оставалось три часа (с этим у Греты строго: в час, значит, в час!), так что есть время для знакомства со Швангау.

Городок известен в первую очередь своими замками, но и сам по себе он достоин внимания. Сильва бродил по улочкам: в Швангау много отелей, гостевых домов, сувенирных лавок, кафе и ресторанов. Повсюду уютные домики в немецком стиле фахверк, где деревянные балки становятся декоративными элементами, превращаясь в необычные узоры, цветы, геометрические фигуры. Многие дома с расписанными стенами – фресками – на темы германских мифов.

Сильва зашел в кофейню, купил кофе в бумажном стаканчике, брецель – крендель из сдобного теста (и какой баварский завтрак без брецеля?) и направился к озеру.

Вокруг Швангау три озера: Альпзее, Шванзее и Форгензее.

«Это, наверное, Альпзее?» – спросил он у прохожего. Тот прогуливался у озера, кутался в ярко-желтый шарф, хотя было совсем не холодно. Прохожий оказался туристом и не знал, как называется озеро.

Швангау не зря именуют лебединой деревней. По зеркальной воде, величественно изогнув шеи, парили лебеди. На озере эти гордые птицы были хозяевами. Утки с громким криком пытались отвоевать себе пространство, и лебеди снисходительно позволяли им плавать рядом с ними. А вокруг озера открывались чудные пейзажи: чередование горных высот и низин. Тишина и спокойствие...

Сильва уселся на скамье и присидел, наслаждаясь пейзажем и наблюдая за птицами, минут двадцать. Допил кофе и стал подкармливать лебедей брецелем. Говорят, что идея «Лебединого озера» посетила Чайковского в Швангау. Петр Ильич был так впечатлен озерным величием и царственными птицами, плавающими прямо у берега, что сочинял мелодии, ставшие впоследствии знаменитыми, прямо на ходу, прогуливаясь вдоль озера. Можно сказать, что именно здесь родилось гениальное произведение.

В озере чистейшая и прозрачная до умопомрачения вода: зеркало!

Вытрусив из бумажного пакета хлебные крошки подплывшим к берегу уткам, Сильва отправился в туристический центр. Купил билеты с открытой датой в замки, взял карту местности с перечнем достопримечательностей. Ого, сколько всего есть поблизости! Хм, недели может не хватить, чтобы все увидеть. Кроме замков, есть водопад, Королевские термы, природный заповедник «Аммерские горы»... А еще из Швангау можно подняться по канатной дороге на гору Тегельберг. А оттуда, как написано в путеводителе, открывается потрясающий вид сразу на оба замка – Нойшванштайн и Хоэншвангау. В общем, есть что посмотреть.

Выходя из экскурсионного центра, Сильва вновь столкнулся с приезжим в желтом шарфе. Они слегка кивнули друг другу. Экий франт! Темное пальто, в тон ему фетровая шляпа, большой ярко-желтый шарф, повязанный вокруг шеи и закрывающий половину лица – мужчина явно выделялся на фоне остального туристического люда.

Церковные часы пробили двенадцать. Пора возвращаться. Урсула Шварц, домработница (говорящая фамилия фрау Урсулы⁹ ей тоже не совсем соответствовала), пятидесятилетняя худощавая немка с бледным лицом и пепельными волосами обещала на обед «айсбайн» – запеченную свиную рульку с луком и морковью в пивном соусе. Сильва понял, что проголодался.

Он прошелся по основной улице и свернул на дорогу, ведущую к усадьбе. И в третий раз он заметил своего «знакомо́го»: тот усаживался в черный «Мерседес» на пассажирское сиденье. Машина тут же отъехала.

Дорога, по которой шел Сильва, связывала Швангау с отдельно стоящими усадьбами и небольшими деревеньками-хуторами, расположенными выше, на холме. За домом Греты дорога делала петлю и снова шла вниз, огибая холм, затем присоединялась к национальной трассе, которая позже раздваивалась: одна магистраль продолжалась по Германии, вторая сворачивала в Австрию. Получалось, что от дома Греты до австрийской границы километров восемь, а там, за границей, – австрийский Тироль. Все отели и туристические места расположены внизу, в Швангау, а «бауэнхофы», «дорфы» или «айнфамильенхаусы»¹⁰ разбросаны по холмам в радиусе трех-пяти километров от города.

Сначала Сильва шел по равнинной местности, потом начинался подъем. Подъем пологий; дорога огибала широким серпантинном холмы. Идти было довольно легко. Тротуара для пешеходов не было, Сильва шел по велодорожке, отделенной разделительной полосой от проезжей части. Иногда сворачивал с велосипедной полосы на обочину, но по обочине идти было не совсем комфортно: несмотря на то, что снег уже сошел, земля оставалась пропитанной влагой. В общем, дорога не предназначалась для пешеходов. И действительно, кому взбретет в голову плестись пешком? Местные жители спускаются в город на машинах или велосипедах, туристы также редко забредают сюда: все достопримечательности находятся в Швангау, а самые красивые снимки обычно получаются либо со стороны замков, либо с горы Тегельберг.

Когда начался подъем, Сильва забеспокоился. Он шел по левой стороне, то есть по стороне встречных, спускающихся, машин. Левая сторона проезжей части была отделена дорожным ограждением. Справа – холмистый лес.

Отчего возникла эта тревога? Предчувствие опасности... И откуда эта опасность исходила: из леса? с проезжей части? Вроде нет никаких оснований для паники. Из-за поворотов? Водитель, не ожидая увидеть на проезжей части пешехода, может не справиться с управлением? Но ведь утром, когда он бодро спускался по этой же дороге в Швангау, он никакого беспокойства не испытывал.

Сильва пару раз обернулся. Нет, снизу ему вряд ли угрожают машины, а вот сверху... Сверху – да, возможно. На изгибе дороги машину может занести. Станные мысли.

Его насторожило рычание мощного двигателя. Сильва инстинктивно сгруппировался. И да, сверху, из-за поворота, несся автомобиль. Он мчался напрямик на него, заехав на велодорожку. Сильва враз перескочил через ограждение и отпрянул от него подальше. И вовремя! Черный «Мерседес» занесло как раз на место, где Сильва находился секунду назад. Характерный звук – автомобиль зацепил ограждение – дополнил жутковатую картину. Водитель притормозил (был слышен скрежет тормозов), но не остановился, а рванул дальше.

Сердце лихорадочно стучало.

– Придурок. На такой скорости на повороте. Идиот! – Сильва закричал ему вслед.

^{9 9} Schwarz – черноволосый (нем.).

^{10 10} Bauernhof, dorf – хутор, einfamilienhaus – отдельно стоящая усадьба (нем.).

Да, он испугался. И было от чего. Если бы не его реакция (столько лет занятий спортом и тренерская работа – реакция дай Бог каждому!), он мог бы попасть под колеса.

Но не только этот несостоявшийся наезд его испугал. Было еще нечто... Да-да, желтое пятно! Желтое пятно на пассажирском сиденье. Снова этот желтый шарф! Неужели это тот самый приезжий, с кем он перебросился парой фраз у озера и потом еще дважды сталкивался в городе? Очень странно. Его «Мерседес» останавливался внизу... А теперь он ехал сверху. Нет, конечно, времени подняться и спуститься было предостаточно; они, вероятно, заблудились. Но зачем они так мчали? Они ведь реально могли его убить! И сами погибнуть! Что за ерунда? А может, ему привиделось это желтое пятно? В глазах сверкнуло... Да, в глазах сверкнуло, конечно. Однако и желтый шарф был!

Идиоты... Кто так ездит? И машину им не жалко, зацепили же. М-да, странная ситуация.

Сильва выбрался из-за ограждения. Пока шел к дому, пытался успокоиться. Уже зайдя на территорию усадьбы, вздохнул с облегчением. Подошел к двери, глянул в окно. Теодор уткнулся в стекло, он ждал Сильву. И от этого в груди потеплело.

Нет, Грете о случае на дороге он рассказывать не будет. Зачем ее расстраивать? А с котом, пожалуй, можно поделиться.

* * *

До прихода следователя Шлоссера оставалось какое-то время, и, отобедав, Сильва и Грета решили разыграть партию в шашки. Тетушка Грета играла потрясающе. Прошло совсем немного времени, и ее шашка превратилась в дамку. Выиграв первый бой, Грета покраснелась от удовольствия. Лицо преобразилось.

Для своего возраста Генриетта фон дер Сакс выглядела отлично: сухощавая седая женщина, достаточно высокая, всегда стильно причесана. Ходила она, держа прямо голову: в осанке, лице, манерах чувствовалось достоинство. Хотя Сильва замечал, что иногда ей хотелось опереться на трость или просто расслабленно посидеть в кресле, но она усилием воли заставляла себя выглядеть царственно. Ее светло-голубые глаза несколько поблекли, но не утратили живости и смотрели на собеседника пылливо и сосредоточенно. В доме Грета ходила в одежде, подчеркивающей ее подтянутую фигуру: надевала разного цвета свитера и брюки. На ногах легкие изящные туфли с небольшим каблукчиком. Аристократка. Нельзя сказать, что она выглядела моложе в свои семьдесят пять, но она выглядела великолепно для своих лет.

«Зря я надеялся на легкий выигрыш, – подумал Сильва. – Легко не получится. Попробую отыграться».

Кот лежал у него на коленях. Дремал, урчал, сопел.

– Мне мешает Теодор, – рассмеялся Сильва, проигрывая и вторую партию. – Он расслабляет, не настраивает на игру.

Довольная Грета шутливо погрозила пальцем:

– Он выполняет мое задание. Усыпляет бдительность противника.

– Должен признаться, Грета, ты играешь профессионально.

– Тогда и я кое в чем признаюсь... Мой отец, барон Шпонгейм, состоял в Международной федерации шашек. Так что мы – я и брат – учились у профи! И к тому же... – Грета кокетливо улыбнулась и покачала головой, – я три раза участвовала в чемпионатах мира по шашкам. Первый раз в семьдесят третьем году в Амстердаме; в том году, наконец, стал проводиться чемпионат мира среди женщин. В Амстердаме тогда выиграла Елена Михайловская из Советского Союза. Вообще, ваша русская шашечная школа очень сильная. Так что, Сильвестр, я и есть профессионал. И я была далеко не последней на международных турнирах.

– Это нечестно! – Сильва смеялся. – Я изначально был введен в заблуждение и играл с более сильным противником. Тео, – он погладил кота, – ты ни при чем. Виновата твоя хозяйка. Она слишком хорошо играет в шашки.

Шум автомобиля прервал их легкую пикировку. Машина остановилась у дома; приехал Шлоссер. Теодор тут же посеменил к входной двери, фрау Урсула отправилась встречать гостя. А Сильва разволновался: предстояла беседа с немецким следователем.

После традиционных приветствий, пожиманий рук и кофейной паузы (эспрессо из кофемашины оказался очень даже хорош!) перешли в кабинет. Сильва первый раз зашел сюда. Секретер, бюро с фотографиями в рамках, книжные шкафы. В центре стояли три кресла и небольшой столик. На стене висели две маленькие гравюры и большой портрет солидного, но не старого мужчины, на раме золотыми буквами написано: Карл Вильгельм фон дер Сакс. «Наверное, муж Греты. Барон. Может, граф? Фамилия у него аристократическая», – подумал Сильва.

Оба, Шлоссер и Сильва, обратили внимание на портрет, рассматривали его какое-то время. Вопросительно взглянули на хозяйку.

– Да, это портрет мужа. К сожалению, он рано оставил меня. Ему было всего сорок девять лет. Проклятый рак. Возможно, сейчас ему смогли бы продлить жизнь, но сорок лет назад еще не было таких технологий в медицине. Здесь, на портрете, ему сорок четыре, и еще ничто не предвещало скорой болезни. Я осталась вдовой в тридцать шесть лет. И у нас не было детей, – вздохнула она.

– Сожалею, фрау Генриетта.

– Грета, и с тех пор вы не выходили замуж?... – Сильва задал вопрос, не подумав. – О, наверное, я не в праве касаться вашей личной жизни... – смущенно добавил он. В присутствии постороннего человека он посчитал правильным обращаться к Грете на вы. – Их бите ум ферцаум¹¹.

– Не стоит извиняться. Столько времени прошло. Да, я осталась вдовой и больше не связывала себя узами брака. Я очень любила Карла. Сейчас понимаю, что была слишком требовательна к мужчинам, которые встречались в моей жизни после смерти мужа. Что теперь об этом говорить. Присаживайтесь, господа.

– Грета, вы не возражаете, если я впущу кота в кабинет? – Сильва указал на дверь, за которой поскуливал Теодор. Грета не возражала. – А вы, герр Шлоссер? Иначе кот не даст нам общаться, будет жалобно мяукать с той стороны.

– Я не возражаю, Сильвестр, – засмеялся следователь. – И можете называть меня по имени. Йозеф, – Шлоссер чуть наклонил голову, представляясь. Он усаживался в кресле и доставал блокнот, ручку и диктофон.

– А я Сильва, – ответил ему русский гость и направился к двери.

Имя вызвало некоторое замешательство у следователя, он взглянул в свои записи, потом на Грету, но та лишь улыбнулась и кивнула головой: все нормально, имя правильное.

– А это Теодор. – Сильва открыл дверь и впустил кота. Тот благодарно заурчал и потерялся о ногу нового друга.

Шлоссер потянулся к блокноту и приготовился задавать вопросы, но Сильва его опередил:

– Герр Йозеф, прежде чем ответить на ваши вопросы, я хотел бы знать, почему вы вновь занялись этим делом? Что произошло? Ваш звонок был... у нас говорят, как гром среди ясного неба.

– Да-да, Сильвестр... э-э... Сильва. Я, конечно, расскажу. Хотел немного иначе построить нашу беседу. Но, пожалуй, вы правы.

^{11 11} Ich bitte um Verzeihung – Мне жаль, прошу прощения (нем.).

Сильва украдкой рассматривал следователя. Высокий подтянутый немец, начинающий лысеть. Хорошо одет, выбрит, улыбчив. Взгляд открытый и располагающий. Сильва предположил, что ему лет сорок. Не так плохо для карьеры: молодой унтерзунгсфюрер, оберстлейтнант «Крипо»¹² Йозеф Шлоссер служил в Баварском министерстве внутренних дел – высшей инстанции Земельного ведомства полиции Баварии (в Германии все Земли имеют свои собственные полицейские службы, они организованы по-разному, что объяснимо: Земли разнятся характером и размером территории). Да, звание подполковника криминальной полиции вряд ли можно получить «по блату», следовательно, у Шлоссера есть определенные заслуги в службе, чутье сыщика. Сильва решил, что этому человеку можно доверять и, если уж он заинтересовался делом двадцатилетней давности, значит, у него есть на то резон.

– Вы правы, господин Эппенштейн, – почему-то Шлоссер обратился к Сильве официально. – Двадцать один год назад немецкая полиция пришла к выводу, что ваш отец стал жертвой разборок уличных банд. То есть его убийство было непреднамеренным. И действительно, все улики указывали на это. Смерть Вольфа Эппенштейна нельзя назвать несчастным случаем, но формально так и было: ваш отец оказался на месте драки случайно. *Драка* (в девяностые годы подобные хулиганские разборки были не столь часты, как сейчас, но все же они происходили), *факторы случайности* (остановка поезда, переход пассажиров на другую платформу – кто это мог предвидеть?), *выбор жертвы* (обычный человек, только-только приехавший в Германию из России) – никаких закономерностей! К тому же связей жертвы с криминальным миром обнаружено не было. Картина преступления была ясна, и полиция пришла к единственно возможному на тот момент заключению. Трагедия? Безусловно... Поиски преступников продолжались еще какое-то время, это я вам говорю совершенно ответственно, я изучал материалы дела. Однако никого не нашли, и дело закрыли. В то время уличных видеокамер было немного, а свидетелями выступили случайные люди, они не смогли описать «драчунов».

В январе этого года оперативная группа проводила скрытое патрулирование (искали киллера двух заказных убийств) и наткнулась на банду. Не буду усложнять рассказ деталями, да и не имею права многого объяснять: идет следствие. В общем, взяли мы несколько человек. И, сюрприз! Один из них, эдакий «убийца-интеллектуал» сорока трех лет из ультраправой организации, начал давать показания. Вы думаете, он испугался тюрьмы? Да нет... Причина, вернее, причины его «разговорчивости» оказались проще и сложнее одновременно. Первое – месть! Мстил «герой» одному из «хозяев»: то ли не заплатил заказчик, то ли решил избавиться от тех, кто много знал... А я думаю, что и то и другое. А еще – зависть! Никак у него не получалось выйти в «начальники» банды, как ни старался. Так и остался лишь исполнителем. Вот и решил сдать подельников!

И начал свой рассказ... м-м... назовем его Ганс... с давних эпизодов. Надо знать психологию подобных типов... Поклонник нацистской идеологии, ностальгирующий по временам Третьего рейха, причисляющий себя к героям... – Шлоссер качнул головой, кашлянул. Ему неприятно было говорить об этом.

– А разве нацистская идеология не запрещена в Германии? – спросил озадаченный Сильва.

– Запрещена. Открыто неонацисты, конечно, не выступают. Но националистические настроения у нас, к сожалению, не редкость. А с пятнадцатого года, когда начался миграционный кризис, подобные настроения нарастают и принимают радикальные формы. Да...

– Не так все радужно в Германии, Сильва, – добавила Грета.

– Я не знал, что все так серьезно. – Сильва был удивлен: уж в Германии-то возврат к нацизму казался ему абсолютно невозможным. – Но ведь кто-то эти настроения разжигает.

¹² ¹² Untersuchungsführer – следователь; oberstleutnant – подполковник; Kripo – разговорный вариант немецкого «Kriminalpolizei».

- Это долгий разговор...
- Простите, я перебил вас.

– Да, давайте вернемся к Гансу. Наши спецы сыграли на его «комплексе превосходства»: почему же такой ценный кадр не оценили друзья-приятели? И поплыл наш Ганс. Хвалился, что не только подельники его не ценили, но и мы, полицейские! Полицейские, оказывается, не понимали, каков «герой» нам противостоит. Не раскусили мы столь редкостный экземпляр. М-да... В чем-то он прав, конечно, слишком долго и безнаказанно обставляла эта банда свои делишки. Понимаете, Ганс гордился этим!

Шлоссер какое-то время помолчал, затем обратился к Сильве:

- Вы не спрашиваете, почему я рассказываю историю Ганса?

– Я понимаю, почему. Вы подводите нас к обстоятельствам гибели моего отца. Очевидно же, что Ганс как-то замешан в этом, разве нет?

– Да. Среди нескольких давнишних преступлений, которые полиция классифицировала как нераскрытые, всплыло дело Вольфа Эппенштейна, вашего отца.

- Значит, это он убил его?

– Он утверждает, что это был его подельник, которого уже нет в живых. Но самое важное оказалось не это... – подполковник взглянул на Сильву. Во взгляде читалось: а что же самое главное?

И Сильва ответил:

– Вы хотите сказать, что Вольфа Эппенштейна убили никак не случайно? Кто-то навел на него бандитов? – Сильва переглянулся с Гретой.

- Да. Вашего отца Гансу заказали.

– Но кто и зачем? Мой отец был простым инженером, не банкиром и не олигархом... Приехал из России, устроился на работу...

– Подождите. Давайте по порядку. Итак, Ганс нам сообщил, что он и другие члены банды на протяжении двух десятилетий ловко вводили полицию в заблуждение. Он перечислил несколько эпизодов. В частности, один из эпизодов относится к девяносто седьмому году. С его слов, они «замочили одного мужика» по заказу, а полиция не увидела в его гибели ничего подозрительного: несчастный случай в результате уличных баталлий. Речь шла о вашем отце. Бандиты не знали, кто этот человек. Приняли заказ и исполнили. Потом из газет выяснили, что это какой-то русский. Решили, что «мужик» принадлежал русский мафии...

- Именно моего отца надо было им убить? Они ничего не перепутали?

– Нет, не перепутали. Ганс опознал Вольфа по фотографии, ошибки быть не может. Заказ поступил срочный. Причем, дело следовало организовать таким образом, чтобы у полиции не возникло сомнений, что убийство было непреднамеренным и в результате бандитских разборок пострадал случайный человек.

Бандиты спешно выехали из Мюнхена в Фюссен. О том, что ваш отец находится (или будет находиться) в доме у Греты в ближайшее время, им сообщили. Когда подъехали к дому Греты, поняли, что гость уже был там. Следили за домом, да-да. Ждали, когда он выйдет. Предположили, что гость вызовет такси. Хотели организовать аварию. Но Грета повезла Вольфа в Фюссен на своей машине. Устроить аварию с автомобилем баронессы они не рискнули, понимали, что искать их будут более тщательно, и не факт, что не найдут. На вокзале следили за Вольфом. Купили вслед за ним билеты на электричку до Мюнхена. По пути отработали план. Планировали устроить потасовку в вагоне и завлечь в разборки вашего отца. Но тут – случайность! – поезд остановился. Всем пассажирам предложили перейти на другую платформу. Устроить имитацию массовой драки стало еще легче. Дальше вы знаете. Когда ваш отец оказался среди «драчунов», его пырнули ножом. Работал профессионал.

- Но кто заказчик?

– Это нам и предстоит выяснить.

– То есть вы не знаете?

Шлоссер покачал головой.

– Но какие-то идеи у вас есть? Этот человек... он знает что-либо о заказчике? Он рассказал вам?

– Рассказал. Но только то, что говорят в подобных случаях: заказ получили инкогнито, деньги были перечислены в тот же час и в полном объеме. Деньги немалые. Поэтому и согласились так сразу, без подготовки, отработать.

– Их торопили? Но зачем?

– Не знаю. Им дали два дня. И предупредили, что лучше работу сделать в Баварии, а не в Нижней Саксонии, куда ваш отец направлялся из Мюнхена.

– Значит, они и это знали? Знали, что отец живет в Нижней Саксонии?

– Знали, что в Баварии он будет находиться недолго, а живет он на севере Германии. Убрать его нужно было как можно скорее. Заказ сделал очень богатый и влиятельный человек. После телефонного разговора на счет сразу же поступила часть денег, а часть – наличные – через полтора часа доставил курьер.

– После убийства Ганс расплатился с подельниками?

– Естественно.

– А зачем он вам это рассказал спустя столько лет? Он ведь только срок себе увеличил! В чем его выгода?

– Во-первых, сотрудничество со следствием существенно уменьшает срок отсидки, во-вторых, хвастовство...

– Что-что?

– Я же вам говорил, что ему просто необходимо было поделиться своими «успехами»: как он несколько раз надувал полицию! Крутой, понимаете!

– С трудом понимаю.

– Это потому, что у вас с психикой все в порядке, вам не надо доказывать, какой вы крутой.

– И все? Из-за этого?

– И еще одна причина. Что-то в последнее время в их организации пошло не так. С его слов, внутри банды начались разборки. Ганса стали пресовать свои же. За последнюю «работу» не расплатились, вернее, не заплатили того, что обещали. Он обозлился. Кому такое понравится? Я предполагаю, что он хочет нашими руками расправиться с заказчиком.

– Значит, эта банда продолжает «сотрудничать» с условным заказчиком более двадцати лет?

– Мы думаем, это посредник. Тот, кто оформляет «заказ».

– У вас есть хоть какая-то зацепка, почему они так поступили с моим отцом? Кому он перешел дорогу?

– Нет. Поэтому я и хотел встретиться с вами, чтобы прояснить кое-какие детали.

– У меня нет мыслей по этому поводу. Мои предки приехали в Россию в середине девятнадцатого века. Первый раз мой дед и отец посетили Германию в девяносто шестом году. Проехались по стране, вернулись через две недели. Потом отец загорелся идеей уехать в Германию по федеральной программе переселения коренных немцев из стран бывшего Союза. Он... Он один поехал устраиваться. Когда устроился, написал, что ждет нас. Отец нас ждал! – с отчаянием произнес Сильва. – Эти сволочи лишили меня отца. А мне было шестнадцать. Йозеф, за что его убили?

Сильва обхватил голову руками. Теодор резко проснулся и полез обниматься. Он как будто почувствовал отчаяние своего друга, привстал на задние лапки, а передними потянулся и обхватил его за шею.

Грета растрогалась, видя такую умильную картину.

– Как человек, право. Он все понимает. Теодор, иди сюда, – позвала она кота, но Тео продолжал обниматься с Сильвой и не обращал внимание на хозяйку.

– Тео, я знаю, что ты меня любишь, но ты не можешь объяснить мне... – погладил Сильва кота, затем обратился к Шлоссеру: – У меня остался еще один вопрос, Йозеф. Пожалуйста, ответьте честно.

– Да, слушаю вас. Почему вы сомневаетесь в моей честности?

– Я не то чтобы сомневаюсь, я не совсем понимаю. Зачем вы вернули старое дело в разработку? Да, этот Ганс разоткровенничался и сообщил о давнем убийстве. Это ведь когда было! За давностью лет можно все забыть. Лучше не ворошить прошлые события. Часто полицейские так и делают: новых дел невпроворот, преступлений столько, что не успевают все расследовать. А тут еще старое дело... Зачем вы решили найти убийцу Вольфа Эппенштейна, неизвестного русского немца, совершенно вам незнакомого? Вы надеетесь на награду? Повышение по службе? Это тоже стимул, я понимаю. Или есть другая причина?

– Во-первых, это моя работа. Вы хоть и немец, но русский, – Шлоссер тепло улыбнулся. Лицо сразу стало детским... хорошая у него улыбка. – А немцы – «дойче ас дойчланд»!¹³ – привыкли доводить дела до конца. Во-вторых, если я найду заказчика преступления (а я могу предположить, что не одно убийство на его совести), то по окончании получу звание полковника и повышение по службе. А там и до генерала недалеко. – Он отвечал шутливо: не разберешь – вправду он так думал или просто подтрунивал над Сильвой. – В-третьих, у меня к этому Гансу свои счета.

– И какие?

– Его банда убила моего племянника.

– Простите. Сожалею... – тихо сказал Сильва и посмотрел на Йозефа с сочувствием. – Почему они это сделали? Вашего племянника тоже... заказали?

– Нет. Дэвид был полицейским. Отличным полицейским. Его убили в перестрелке. Поэтому я и хочу всех наказать. И исполнителей, и заказчиков. И в-четвертых! – громко произнес Шлоссер и сделал многозначительную паузу. – Я считаю, что убийство вашего отца будет не просто распутать. Прошло много лет. Но знаете, есть преступления, которые для следователя... как бы это сказать... – он подбирал слова, – раскрытие таких преступлений становится для настоящего сыскаря вопросом репутации и авторитета. А мы ведь самые что ни есть сыщики, разве нет? Но не только для коллег я должен доказать свой профессионализм, а, что важнее, для себя самого. Это интересное дело с множеством неизвестных. И решить его – моя задача. Очень надеюсь, что вы мне поможете.

– Я помогу! Рассчитывайте на меня, Йозеф.

– Отлично.

Он привстал и подал руку Сильве. Тот крепко ее пожал.

– А теперь я могу задавать вопросы? – снова улыбнулся Шлоссер.

– Начните с меня, мой мальчик, – обратилась к нему Грета.

Ее снисходительный тон ничуть не смутил следователя.

– Фрау Генриетта, вспомните, пожалуйста, как вы узнали о существовании Вольфа и, по возможности, расскажите подробнее о встрече с ним.

– Я готовилась к вашему приезду, подполковник.

Сильва ухмыльнулся: в один момент Шлоссер из «мальчика» дорос до «подполковника». Шлоссер кашлянул – скрыл улыбку.

– В тот день мне позвонили мои дальние родственницы Эльза и Агнет и сообщили, что у них в гостях сидит человек по фамилии Эппенштейн, о существовании которого они не имели представления до этой встречи. Ни о нем, ни о его семье. Эльза говорила взволнованно. Я

^{13 13} Deutsche aus Deutschland – «немецкие немцы», немцы Германии.

поняла, что они были удивлены и обрадованы появлению Вольфа. Сказали, что я непременно должна с ним познакомиться. Я ответила, что готова встретиться с Вольфом в любой момент, хоть сейчас. Помню, что они передали ему трубку. Мы договорились, что он возьмет такси и приедет в Швангау после обеда. Это недалеко, почти сто тридцать километров, и недешево. Но Вольф подтвердил, что приедет. Он выехал в два часа. И действительно, около четырех он прибыл в Шаттен.

– Вы часто общались с Эльзой и Агнет?

– Нечасто. Поздравляли друг друга с праздниками. Но в тот год, буквально за месяц до появления Вольфа, тети отмечали восьмидесятилетие. Съехались многие родственники. Я тоже была на юбилее. Так сложилось, что этот юбилей нас сблизил, мы стали чаще созваниваться. Они были забавные, тетушки.

– А почему они *Вам* позвонили? Вы ведь не прямая родственница Вольфу, можно даже сказать, что очень и очень дальняя. Разве нет кого-то... м-м... поближе?

– У Эльзы есть сын Генрих. Не знаю, почему она ему не позвонила. А может, и звонила, я не интересовалась. Генрих был на юбилее, но мне показалось, что отношения с матерью у него не складывались.

– О! Генрих тоже Эппенштейн? – спросил Сильва.

– Нет, его зовут Генрих фон цу Аурих.

– Значит, Эльза Эппенштейн была замужем?

– Э-э... Я могу лишь рассказать то, что мне известно. С отцом Генриха Эльза была помолвлена. Брак заключен не был. Не забывайте, какое было время. Они оба были молоды, когда... м-м... фюрер напал на Россию. – Грета говорила медленно, подбирая слова. – Генрих родился во время той войны. Мы с ним одногодки, кстати. Отец его воевал на восточном фронте. Насколько я знаю, его отпустили в отпуск на несколько дней. Когда у него родился сын, Карл официально объявил об отцовстве ребенка и отбыл на фронт. Он погиб в начале сорок пятого года. Так что Генрих никогда не видел своего отца. Но он носит его имя.

– Вы поддерживаете отношения с Генрихом? – задал вопрос Шлоссер.

– Мы видимся крайне редко. После смерти Эльзы раза три-четыре.

– Почему?

– Не знаю. Так случилось. Честно говоря, даже не задумывалась на этот счет. Это далекое родство.

Сильва решил, что в этом есть некая странность. Ведь Генрих ей гораздо ближе по родству, чем, например, он – Сильва; а с ним Грета поддерживала связь на протяжении двадцати лет. Он хотел спросить, почему так произошло, но не решился. Как-нибудь в другой раз он обязательно задаст Грете этот вопрос, но не сейчас.

– Если Эльза не меняла фамилию и осталась Эппенштейн, значит, она никогда не выходила замуж? – спросил Сильва. – У нее один сын?

– Она не выходила замуж, это правда. И Генрих – единственный ребенок. У него трое детей: два сына и дочь.

– А другая тетя, Агнет? У нее были мужья, дети? – снова задал вопрос Сильва.

– У нее был жених. Он также погиб во время войны. И она осталась одна. Так сложилось, что сестры жили вместе. Они были близняшки, вы знаете. Очень были похожи внешне и характером. Умерли тоже одна за другой. Эльза первая. Когда она умерла, тетя Агнет сказала, что не протянет и месяца без сестры. Три недели спустя она ушла. Обоем было по восемьдесят пять лет. Эльза умерла от перитонита, врачи не успели диагностировать аппендицит. А Агнет ничем не болела. Просто ушла. Наверное, близнецы не могут долго жить друг без друга.

– Фрау Генриетта, я понимаю, что прошло много лет с момента встречи с Вольфом. Я ознакомился с вашими показаниями. Но сейчас стало известно, что за вашим гостем следили. Не вспомните ли вы чего-то необычного?

– Нет. Столько времени прошло. Но если бы меня что-то насторожило, я бы рассказала полиции тогда, двадцать лет назад.

– А кто-то из ваших родственников обращался к вам с расспросами по поводу русского Эппенштейна?

– М-м... Я не помню, – она покачала головой. – Нет, я не помню. Вряд ли. Только тети потом очень сокрушались. Их ведь тоже опрашивали полицейские.

– Да, я нашел их показания в деле. – Шлоссер вздохнул. – Тогда у меня будет просьба к вам. Знаю, что это нелегко. Вам понадобится время, я понимаю.

– А что именно вас интересует?

– Вы рассказали о юбилее Эльзы и Агнет. Сказали, что там было много родственников: близких и дальних. Вспомните, кто там был. Я понимаю, что вы можете кого-то забыть, но все же. Я вас не тороплю. Завтра или послезавтра...

– Пфф... – Грета недовольно фыркнула. – Я не гарантирую, что всех вспомню. Неужели это важно?

– Не знаю. Мне кажется, эти люди... кто-то из них мог желать смерти Вольфу. Это может быть ниточка. Связь. Кто-то же убил его. Вольф приехал к сестрам. А этот «кто-то» уже знал, что он находится там. Он знал также, что гость потом отправился к вам. Мы можем предположить, что сестры рассказали о визите гостя не только вам. Кому? Сколько людей узнали о его существовании от них? Сестер расспросить мы не можем...

Сильва перебил Шлоссера:

– Подождите... Но даже если предположить, что сестры рассказали о визите Вольфа кому-то еще, зачем этому *кому-то* убивать его? Вы считаете, что в этом замешаны родственники?

– Мой племянник прав! – подтвердила Грета. – Какой смысл кому-то из наших... э-э... очень дальних родственников убивать несчастного Вольфа?

– Надо отработать все версии. А что, у вас, Сильва, есть свои соображения?

– После того, что рассказал ваш Ганс... я подумал, возможно, убийство как-то связано с работой отца. Он ведь устроился на работу. И еще. Вы говорили, что заказчик торопил убийц, настаивал, чтобы это произошло здесь, в Баварии. Возможно, он не хотел, чтобы убийство связали с Нижней Саксонией.

– Хм... Интересная версия. – Шлоссер задумался, затем обратился к Грете: – Фрау Генриетта, не рассказывал ли Вольф что-либо о своей работе, коллегах? Может, он опасался кого-то?

– Мне кажется, наоборот. Он был очень доволен. Говорил, что нашел хорошо оплачиваемую работу и теперь может пригласить семью. Что его зарплаты хватит даже на учебу сына в университете.

– Так, может, он кому-то составил конкуренцию? – гнул свою линию Сильва.

– Вы считаете, что, заняв должность обычного инженера, он кого-то потеснил? И это может вызвать настолько сильную ненависть, чтобы убить конкурента?

– Я понимаю, выглядит странно. Но меня зацепил тот факт, что с отцом хотели расправиться как можно скорее. Причем на территории Баварии. Почему? Может, безопаснее было, наоборот, подстеречь отца у собственного дома, организовать такую же драку... Или я неправ?

– В ваших словах есть логика. Будем рассматривать эту версию, Сильва, – повторил Шлоссер и поменял тему: – Вы нашли документы, о которых я вам говорил?

– Конечно. Выгреб у деда все семейные тайны. – Сильва рассмеялся. – Правда, тайн оказалось немного. В архивах нашел метрические свидетельства о времени рождения и крещения предков по линии отца, начиная с середины девятнадцатого века. Запись об *Ульрихе Генриховиче Эппенштейне*, тысяча восемьсот шестьдесят второго года рождения, я обнаружил в метрической книге церковно-приходского архива городка под Владимиром. В этом же городе его

отец, *Генрих*, женился на Марии Скобелевой, принадлежащей мещанскому сословию, и принял православие. У них родился *Ульрих* (*православное имя Юрий*) и еще через два года дочь Елена. Проследить наследников Елены мне не удалось. А вот у Ульриха были наследники мужского пола: сначала *мой прапрадед Георгий*, потом *прадед Иосиф* и, наконец, *мой дед Рудольф*. Дед жив, ему сейчас восемьдесят шесть лет. Потом отец и я. У меня детей пока нет. Не успел.

– Надеюсь, ты планируешь однажды жениться и продолжить свой род, дорогой племянник? – спросила Грета.

Вопрос был неожиданным, Сильва даже смутился.

– М-м-м... – промычал он невнятно.

– Надеюсь, ты не из этих... из модных течений?

– Чего? Бог с тобой, Грета. Ну и мысли у тебя! Я что, похож на додика?

– Хрен вас поймешь, молодых.

Шлоссер кашлянул, сдерживая улыбку.

– Вот. Смутила герра подполковника.

– Ничего-ничего. – Шлоссер заглянул в свой блокнот и продолжил: – Ваш отец был православным?

– Да. И отец, и дед. И теперь я знаю, что вся немецкая родня до колена Генриха Эдуарда, женившегося на православной русской Марии, приняли православие. А Грета мне рассказала и о более ранних Эппенштейнах. Но они были лютеранами. Так, Грета?

– Да, это так. У Луитпольда были сыновья Отто, Максимилиан и Винфрид. *Мое «дерево» идет от Максимилиана, а твое, так я думаю, от Отто*. У Отто были сыновья *Генрих* и *Леопольд*. Видимо, один из них – *Генрих* – и есть тот, чей след ты нашел под Владимиром.

– А тети Эльза и Агнет?

– Они, как и я, ведут свое родство от Максимилиана Эппенштейна. У Максимилиана было много детей: семь дочерей и сын Людвиг. У Людвига тоже, в основном, дочери, среди которых была мать моих прямых предков, и один сын Витольд – предок Эльзы и Агнет.

– Разве можно все это запомнить? – рассмеялся Сильва.

– Это не так сложно на самом деле, – уверенно ответила Грета.

– Действительно, не так сложно, – рассмеялся Шлоссер. – Но главное я уяснил. Вы, фрау Генриетта, являетесь потомком Эппенштейнов по женской линии. А вот фрау Эльза и Агнет – по мужской. Но так как они женщины, то фамилия на них закончилась. Но есть ли еще мужчины Эппенштейны?

– Да-да, меня это тоже очень интересует! – увлеченно воскликнул Сильва.

– Из тех, кого я знаю, последний Эппенштейн (его звали Хуго) умер в девяностые годы. Он вел свой род от Леопольда, брата того Генриха, который уехал в Россию, – вашего далекого предка. Хуго умер бездетным. Он воевал, остался инвалидом и не женился. У него был брат Адольф, который умер молодым. У Адольфа остались две дочери, которые впоследствии вышли замуж. Возможно, где-то еще существуют Эппенштейны, о которых мне неизвестно.

– У вас же есть это... как его... дерево.

– У Луитпольда было три сына. – Грета задумалась, покачала головой. – Я не знаю, что стало с Винфридом. Наверное, где-то есть его потомки. Возможно, он умер молодым. Есть сведения также, что у Отто были незаконнорожденные дети: сын и дочь.

– Мой предок согрешил с кухаркой? – пошутил Сильва.

– Наоборот, с очень знатной дамой. Замужней. Поэтому дети, скорее всего, получили фамилию мужа той дамы. Это было нередким явлением в девятнадцатом веке. Адюльтеры, внебрачные связи, незаконнорожденные дети. И если порыться в архивах, можно найти много любопытного.

– Все это чрезвычайно интересно, – сказал Шлоссер, – я должен обработать эту информацию. И кто знает...

Он не договорил. Его телефон завибрировал: пришло сообщение. Он прочел, написал ответ.

– Однако мне пора. Фрау Генриетта, вы разрешите мне звонить вам и, если понадобится, приехать?

– Конечно, подполковник.

Шлоссер поднялся. Грета царственно поплыла провожать гостя к выходу. Сильва вдруг подумал... а не рассказать ли следователю о сегодняшнем приключении? До встречи с Йозефом он считал, что автомобилист вел себя на дороге так отвратительно лишь потому, что идиот. Но вдруг, после этой долгой беседы, им овладели сомнения и тревога. А что, если это было сознательное нападение? На него, Сильву Эппенштейна?! Н-нет, вряд ли. И все же...

– Я провожу вас до машины, – сказал Сильва.

Шлоссер намеревался ответить, что ему не стоит беспокоиться, но, взглянув на Сильву, понял, что тот хочет сообщить нечто важное. Наедине.

– Не знаю, Йозеф... Возможно, вы примите меня за параноика. – Сильва скорчил гримасу.

– Говорите, что случилось.

– Дело в том, что меня сегодня чуть не сбила машина. Если б я вовремя не отскочил... думаю, меня бы уже не было в живых.

– Что? Сильвестр, это очень важно!

– То есть вы считаете, что это могло быть спланированное нападение? М-м... Покушение? Именно на меня?

– Не могло быть, а было! Так, это меняет дело. – Шлоссер полез за телефоном, намереваясь позвонить. – Я выделяю вам охрану.

– Что-что? Перестаньте. – Сильва остановил его. – Я же говорю, какой-то сумасшедший мчал на машине и не справился на повороте, его занесло... Он и машину зацепил за ограждение.

– Вы сами в это верите?

Сильва пожал плечами.

– Номер машины не запомнили? Какая марка?

– Черный «Мерседес». – Сильва прикрыл глаза. – Я видел его в Швангау. И встречал человека, который сидел на пассажирском сиденье, у озера... – он говорил медленно, пытаясь восстановить в памяти картину на стоянке машин. – Нет... Букву «А» помню точно.

– «А» есть на номерах у Саксонии, Померании и Баварии...

– Нет, там две буквы. Или даже три. «AU». Точно, «AU».

– Уже лучше. А цифры?

– Только двойка. Нет, не вспомню. Может, позже. Я попробую напрячь память. Номерной знак я видел. Но в памяти лишь эти две буквы.

– Сильва, будьте осторожны.

– Но почему? Я никого, кроме Греты, в Германии не знаю. Кто это такие? Что им от меня нужно?

– А что им было нужно от вашего отца?

– Вы связываете гибель отца и эту дурацкую историю? – Сильва удивился. И разволновался. – Это невозможно.

Шлоссер не стал его разубеждать. Он явно связывал оба эпизода между собой.

– Может, эти люди искали что-либо у Вольфа? Какие-нибудь бумаги? – размышлял он. – Отец вам ничего не рассказывал перед поездкой в Баварию?

– Это так давно было. Я спрошу у мамы. Может, она что-то вспомнит. А вы не знаете, его дом осматривали? Тот, который он арендовал? Кажется, он говорил о доме на берегу озера в Оснабрюке. Там ничего интересно не нашли?

– Нет, не знаю. В деле нет информации. Попробую выяснить. Хотя надежды мало: слишком много времени прошло.

– Да, я вспомнил вот что: отец пользовался услугами частного детектива.

– Детектива? А для чего? Что он искал?

– Родственников. Кажется, именно детектив ему помог отыскать Эльзу и Агнет. Отец по телефону рассказал нам, что нашел дальних родственников в Баварии и решил их навестить.

– Это любопытно... Очень даже любопытно. Надо найти этого детектива.

– Двадцать с лишним лет прошло.

– И все же попробовать стоит. А вы, Сильва, будьте осторожны. Не выходите из дома.

– Да вы что? Как это можно? Находиться в историческом месте, рядом с замками сказочного короля и сидеть дома?! Я завтра же поеду в Хоэншвангау. Потом в Нойшванштайн. А еще Линдерхоф неподалеку. Тут же на неделю открытий!

Шлоссер покачал головой, но ничего не сказал.

– Не волнуйтесь за меня, Йозеф.

– Я оставил визитку Генриетте. Вот, возьмите и вы тоже. При малейшем сомнении звоните. Может, что-то вспомните, увидите нечто необычное... И пообещайте, что будете осторожны. С незнакомыми людьми в контакт не вступайте!

– Обещаю. Спасибо. И вы тоже держите меня в курсе. Если что-то выясните...

– Я вам завтра позвоню.

– Хорошей дороги, подполковник.

Шлоссер уехал. А Сильва еще какое-то время постоял в раздумье, потом прошелся вокруг дома, дошел до летней веранды, до живой изгороди из туи... Долго размышлял, прежде чем зайти в дом.

Он не видел, как кот Теодор наблюдал за ним из окон, перескакивая с одного подоконника на другой. Когда Сильва открыл входную дверь, кот встретил его одобрительным мяуканьем и нежным ласканием.

Глава II

3. Februar 1861. München, Nymphenburg, Schloss der bayerischen Herrscher / 3 февраля 1861 год. Мюнхен, Нимфенбург, Дворец баварских правителей

Все утро Людвиг сочинял письмо. Он не знал, отправит ли он свое послание австрийской императрице, или, как часто бывало, лишь «поговорит» с ней на бумаге и оставит лежать испи-санный лист в ящичке стола. Но ему необходимо было выговориться. Елизавета – единственная, кто может выслушать его и понять.

«Любезный друг мой, Сиси. Давно не видел вас. Знаю, что лишь с вами могу поделиться радостью, ибо только вы можете разделить мой восторг. Пишу вам из Нимфенбурга. Вы знаете, что родился я здесь, в этом дворце, однако воспитан я в Хоэншвангау, где все пронизано легендой о рыцаре-лебедь, полной такой невыразимо поэтической прелести. Сколько раз, сидя под цветущими липами во дворе Хоэншвангау, я мечтал об этой легенде. Сколько раз в своих мечтах я видел этого рыцаря, плывущего по воде со своим верным лебедем...»

Вчера произошло знаменательное событие: мы с братом и матушкой посетили «Лоэнгрин». В этой опере я нашел мечты моего детства и мои фантазии юноши воплощенными чудесным образом. И они, эти столь знакомые мне образы, говорили со мной в опьяняющих меня звуках, как сладкий аромат цветущих лип. Вагнер – гений. Что за чудо он сотворил! Какое наслаждение для слуха!

Милый мой друг, эту ночь я провел в рыданиях и мечтаниях: о славном рыцаре Лоэнгрине и прекрасной Эльзе...»

В дверь постучали. Мария, мать Людвиг, беспокоилась о сыне. Его комната была заперта на ключ.

– Людвиг, почему ты не выходишь из комнаты? Ты не пришел на завтрак. Ты не заболел, сын мой?

– Нет, мама, я не болен, – услышала она в ответ.

Марию смущало поведение сына. Вчера королева Баварии и ее сыновья, Людвиг и Отто, ходили в оперу. В Мюнхене давали «Лоэнгрин» Вагнера, и спектакль произвел очень сильное впечатление на мальчиков, особенно на Людвиг. Он почти весь спектакль проплакал: от восторга и переполнявших эмоций. «Мой старший сын слишком эмоционален. Кронпринцу это позволительно, но королю... Ведь однажды он станет королем, и ему предстоит решать государственные задачи. Ах, пора бы ему повзрослеть. – Мария не отходила от двери, за которой прятался в своей комнате семнадцатилетний сын. – Как ребенок, право. Большой и красивый ребенок».

– Я волнуюсь, Людвиг, – прислонилась она к двери и прислушалась.

Ключ в замке повернулся, дверь отворилась. Сын, такой красивый и статный, с улыбкой смотрел на мать. В глазах восторг и странная печаль. Как это может сочетаться? Да, есть нечто непостижимое во взгляде сына. Свекр говорит, что у Людвиг страстные глаза Адониса. Это правда: у него удивительные синие глаза, невероятно красивое лицо с правильными чертами. Глядя на него, невозможно остаться равнодушным. К тому же он высок и строен.

Оба мальчика у нее красавцы, но они совершенно разные. Марии так легко общаться с Отто и так сложно понять старшего сына. Отто с детства рос веселым, подвижным и резвым мальчиком, он всегда предпочитал шумные игры со сверстниками, а не средневековые саги. А Людвиг... он такой странный.

Сын наклонился и поцеловал мать:

– Не стоит волноваться, мама. Наоборот, я счастлив! Я очень счастлив, мама. Это такая музыка! История рыцаря Лоэнгрина... Эта опера... Я не спал всю ночь, плакал.

– Ты слишком чувствителен, сын мой. Опера прекрасна, я согласна. Но чтобы плакать? Не спать?

– Да-да, плакал и не спал, – Людвиг улыбнулся, а на глаза снова навернулись слезы.

– Ты романтик, Людвиг.

– Мне нравится это слово – романтик. Пусть будет так.

– Кронпринц Баварии должен быть серьезнее, – возразила она, но возразила как-то неуверенно.

– Я хотел бы встретиться с Вагнером. Он сотворил чудо. Мама, как мне с ним увидеться?

– Ты же знаешь, что ему запрещен въезд в Баварию. После майских событий¹⁴...

– Ах, какая несправедливость! Это музыка, а не политика. Надо поговорить с отцом, он может отменить этот предвзятый указ. К тому же прошло столько лет после восстания. Мне тогда даже года не было, мама! Вагнер – гений. Понимаешь?

– Людвиг, сейчас не время. Отцу надо ехать в Италию на воды поправить здоровье. Кроме того, нынешнее обострение отношений с Данией... Нет, не думаю, что отца нужно беспокоить по такому поводу.

Кронпринц ничего не ответил, лишь виновато улыбнулся.

– Надеюсь, мы увидим тебя за обеденным столом, Людвиг?

– Хорошо, мама, я приду.

До обеда оставался еще час, и Людвиг предался мечтаниям. Лоэнгрин... Герой немецкого эпоса, который появлялся всегда, когда нужно было защитить невинных. Лебединый рыцарь в сияющих доспехах появлялся на ладье, запряженной лебедем.

Людвиг с детства любил сказки, читал и перечитывал средневековую немецкую литературу, легенды о Тангейзере, саги о нибелунгах, эпические поэмы о Парсифале – хранителе священной реликвии Грааля и его сыне Лоэнгрине, героические сказания братьев Гримм о рыцаре Лебеде.

Но Вагнер! Вагнер создал не просто оперу, он... он... И вновь слезы затуманили глаза молодого кронпринца. Это совершенство. Божественная, очень красивая музыка и глубоко раскрытый внутренний мир героев, их переживания и чувства. А с каким совершенством Вагнер показал борьбу добра и зла. Неземная музыка.

С легендой о Лоэнгрине – рыцаре чаши Грааля – Людвиг был знаком с детских лет. Но как по-новому его история зазвучала благодаря Вагнеру!

Святой Грааль – чаша, из которой пил Иисус Христос во время Тайной вечери и в которую Иосиф собрал его кровь после распятия. С тех пор символ Грааля воплощает духовную чистоту и совершенство рыцарей, служащих ему. Рыцари защищают униженных, несправедливо обиженных и гонимых, творят добро, не раскрывая своего имени. Иначе, если раскроют имя, им придется покинуть землю и вернуться в заоблачный Монсальват – замок святого Грааля.

Прекрасный таинственный рыцарь Лоэнгрин приходит на помощь брабантской принцессе Эльзе, побеждает в поединке с обоглавшим девушку Тельрамундом и предлагает стать его женой. Лоэнгрин предупреждает Эльзу, что она никогда не должна спрашивать его имя и выяснять, откуда он прибыл. Она дает согласие. Однако силы зла не дремлют, и под разными предложениями пытаются уговорить Эльзу узнать настоящее имя рыцаря. И увы, принцесса в день свадьбы задает рыцарю роковой вопрос. Лоэнгрину ничего не остается, как признаться, что он рыцарь Грааля, наделенный великой силой. Однако теперь ему нельзя оставаться среди людей,

^{14 13} Вагнер был участником революционных событий в мае 1849 года. После поражения восстания он был вынужден уехать из страны.

и, сев в ладью, которую тянет лебедь, он уплывает навсегда. А Эльза оплакивает свою судьбу. Такова легенда...

Снова в дверь постучали. И сразу же заглянул Отто. Людвиг встал ему навстречу, обнял брата.

– Муттерхен¹⁵ сказала, что у тебя мокрые от слез глаза... Тебя так потрясла опера?

– Да, Отто. Я плачу от счастья.

– Мой брат романтик, – засмеялся Отто.

– А разве тебе не понравился «Лоэнгрин»?

– О, я люблю оперу. Но не до такой степени. По мне, лучше поехать в полк. Наблюдать за лошадьми в пополах, офицерами в военной форме – это более веселое занятие, чем проливать слезы над судьбой оперных героев.

– Но какая музыка, Отто!

– Хорошая музыка, согласен. – И тут же, без всякого перехода, Отто спросил: – а кто тебе больше нравится: кирасиры или рейтары¹⁶?

– Лошади. – Людвиг засмеялся. – Мне нравятся лошади. И не в кавалерии, а на выезде. Или в конюшне. Я не люблю войну, Отто.

– Но без войны нет жизни. Отец обещал, что двадцать седьмого апреля, в день моего пятинадцатилетия, он назначит меня вторым лейтенантом, а через год я смогу поступить учиться в кадетский корпус.

– Ты действительно этого хочешь?

– Конечно. Потом я получу звание старшего лейтенанта, а в восемнадцать, наконец, смогу отправиться на действующую военную службу в чине капитана. Я еще не решил, в какой полк: в пехоту или кавалерию. Но у меня есть время для раздумий.

– Я рад за тебя. Отличный план.

– Ну да... Получше, чем учиться в университете.

– И чем же тебе университет не угодил?

– Людвиг, я – не ты. Мне скучно зубрить языки, физику и химию... А еще писать стихи и сочинять музыку. – Отто скорчил гримасу и рассмеялся. – Ну, разве что плавание и верховая езда. Однако этому можно научиться и вне стен университета. Нет, военная служба – это мое, а наука и искусство – это твое, братец.

– И хорошо, что мы с тобой разные. А я, наверное, в деда пошел. Люблю театр, искусство, живопись. У деда замечательная коллекция живописи. Одна Галерея красавиц чего стоит!

– Ха! Дед не только театр и живопись любит. *Он еще очень любит женщин*, – рассмеялся Отто. – Питает слабость, так сказать. До такой степени питает слабость, что из-за одной ирландской авантюристки даже был вынужден уйти с престола в пользу нашего батюшки.

– Наш дед очень чувственный мужчина. Мне кажется, он не слишком переживает оттого, что стал свободным от королевских уз. К тому же эта женщина очень красива. Ты же видел ее портрет в Галерее.

– Я люблю деда, ты знаешь. Но что делать, у него есть слабость. Женщины – его слабость. – Отто засмеялся. – Однажды он чуть не соблазнил собственную племянницу...

– Отто! – Людвиг широко открыл глаза.

– Да ладно, все в семье об этом знают.

– Но он же не знал, что это была его племянница. Об этом никто не знал. Супруги Шпиринг хранили секрет и никому не говорили, кто настоящий отец Каролины.

^{15 14} Mutterchen – матушка, мамочка (нем.).

^{16 15} Рейтары – «черные всадники» (прозванные так из-за цвета доспехов), конные полки. В отличие от кирасиров, рейтары предпочитали огнестрельное, а не холодное оружие.

– Был секрет, да. Хранили до тех пор, пока Карл Теодор не узнал, что его братец, король Баварии, слишком увлекся юной баронессой фон Шпиринг. Карлу пришлось рассказать брату, кто настоящий отец девушки, и дед был вынужден свои ухаживания за юной баронессой свернуть. – Отто говорил весело, не смущаясь тем, что тема весьма деликатная.

– А ты откуда об этом знаешь?

– От одной девушки. Но тебе не скажу.

– Отто... Я твой брат.

– Ладно. От Вильгельмины, сводной сестры Макса Хольнштайна. Она подслушала однажды разговор матери с отцом. Кстати, ты не забыл, что вчера мы пригласили на обед Макса? – Отто хмыкнул, увидев удивленное лицо брата. – Неужели не помнишь? В антракте!

– Забыл... Совершенно забыл. Спасибо, что напомнил. Люблю Максимилиана. Мы давно с ним не общались. В театре он был с красивой дамой...

– А я ему не доверяю, – перебил Отто.

– Почему? – спросил Людвиг с удивлением и даже испугом.

– Не знаю. Просто он мне не нравится.

– Но мы знакомы с раннего детства. Он часто бывал у нас. Наш отец крестил его.

– И что? Вот увидишь, Макс еще доставит нам много хлопот.

– Он наш троюродный брат... Если его бабка действительно дочь Карла Теодора, а не барона Шпиринга...

– А ты сомневаешься? Это секрет только для чужих, Людвиг.

– Но почему ты не жалуешь Макса? – тихо спросил Людвиг, – этот секрет не может быть причиной...

– В этом вся проблема. Он – Виттельсбах! Как и мы. Однако носит имя Хольнштайн.

– Это достойное имя, Отто.

– Ну да... Его бабушка согрешила с братом нашего деда, но об этом не принято говорить вслух. А его мать вообще ушла от мужа, когда Макс был всего год. Потом родила еще пятерых детей от другого мужчины. Ты думаешь, ему все равно?

– Он любит своих братьев и сестер. Так бывает в жизни, Отто. Ты еще слишком юн, чтобы рассуждать на темы любви. К тому же Каролины уже нет на этом свете, не будем говорить о ней плохо.

– Да я не о ней. И мне все равно, что происходит на самом деле в других семьях. Просто я чувствую, что Макс не совсем тот, за кого себя выдает. Ты не разбираешься в людях. Для тебя все хороши.

– Так и есть.

– Но я бы ему не доверял.

Людвиг обнял брата.

– Я очень тебя люблю. Давай завтра выедем на лошадях?

– Чур, я на Авроре! Или ты уступишь мне Теодора?

– М-м... Он и сам не захочет, – смутился Людвиг. – Если я буду рядом, он не захочет...

Отто рассмеялся:

– Да ладно. Я понимаю. Любимый конь, любимый хозяин. Аврора мне даже больше нравится.

– Договорились, – Людвиг довольно улыбнулся.

«Он очень красивый, – подумал Отто, – мой брат красавчик! Людвиг похож на маму. Жаль, что у него нет подружки. Он слишком серьезный. И странный. Нельзя быть таким романтиком».

«Отто очень похож на отца. И манеры отцовские, и сердится, как отец, – рассуждал о брате Людвиг. – Но, в отличие от отца, Отто очень веселый, добрый и душа любой компании. Как же я люблю своего брата. Однако он горяч в своих суждениях...»

– Отто, надеюсь, мы не будем в присутствии Максимилиана обсуждать его девушек и его семейные тайны?

– Можем обсуждать мои!

– У тебя есть тайны? – с притворным удивлением поинтересовался Людвиг.

– У меня есть девушки.

– Бог мой... Тебе четырнадцать.

– Через два месяца пятнадцать. И девушки мне очень нравятся. Армия тоже. Вот раздумываю, что лучше? – Отто захохотал.

– Отто! Тебе надо учиться, потом...

– Ах, оставь. Все нормально. Это ты думаешь только о Сиси... Она прекрасна, спору нет. Но она жена Франца Иосифа, императрица Австрии.

– Сиси – мой друг, – тихо ответил Людвиг.

– Я знаю. – Отто вздохнул. – Я тоже ее очень люблю. Как кузину и очень хорошего друга...

– Вы здесь? – в комнату вошел Максимилиан фон Хольнштайн. – Кажется, меня пригласили на обед.

Максимилиан был красив: высок, строен, голубоглаз. Он имел успех у женщин. К тому же он был амбициозен, энергичен и честолюбив. Макс Хольнштайн делал прекрасную карьеру: в настоящее время находился на придворной службе.

– Здравствуй, друг мой, рад тебя видеть. – Людвиг обнял Макса. – Представь, Отто собирается учиться в кадетском корпусе и затем поступать на военную службу.

– Что ж плохого? Отто, ты рассуждаешь здраво. – Он похлопал по плечу младшего кронпринца, затем обратился к обоим братьям: – Я тоже начинал с камер-юнкера и офицера кирасирского полка. Потом был назначен юнкером, затем получил младшего лейтенанта.

– Ну нет, такая карьера не для меня, – улыбнулся Людвиг.

– Романтикам нечего делать в армии, – Макс засмеялся. – К тому же ты будущий король. Людвиг замахал руками:

– О, нет... Надеюсь, отец будет долго править. Я не хочу заниматься государственными делами.

– Людвиг хочет жить в сказочном замке, слушать музыку и мечтать.

– Да, это правда. – Людвиг смущенно улыбнулся. – Я хочу вернуть в Баварию Вагнера. Он мог бы написать не одну оперу! Я хочу построить замок... Нет, два... Или три замка. Сказочных и романтических...

– У нас уже есть Хоэншвангау. Чем не сказочный замок? – смеялся Отто.

– Да... Я люблю его. Но я хочу свой замок... с Тангейзером, Персифалем и Лоэнгрином... – глаза кронпринца увлажнились, и лицо осветилось мечтательной улыбкой.

Отто и Максимилиан переглянулись, пожав плечами.

– А не пора ли нам обедать? – весельчак Отто нарушил элегическую атмосферу.

И трое юношей отправились на обед. Чтобы спуститься в столовую, им пришлось пройти сквозь Галерею красавиц, которую создал дед кронпринцев Людвиг Карл Август. Революционное движение сорок восьмого года принудило короля Баварии отказаться от короны в пользу сына Максимилиана. Однако бывший король Людвиг совсем не жалел о таком поступке: жизнь частного человека его вполне устраивала. Он наслаждался свободой, покровительствовал искусствам и путешествовал. Бывший король питал слабость к красивым женщинам. Поэтому заказал художнику Йозефу Штилеру тридцать шесть портретов красивейших женщин и собрал их все в одной галерее – недавней столовой южного крыла главного дворца Нимфенбурга.

Прелестные девушки и женщины на портретах – принцессы и простые горожанки, баронессы и актрисы – притягивали взгляд. В этой галерее находились портреты Марии Фридерики Прусской – матери Людвиг и Отто, ирландской авантюристки Элизы Гильберт, из-за которой

Людвиг Баварский оставил свой трон, красавицы Амалии фон Крюденер, которой восхищались Гейне, Пушкин, Вяземский и всероссийский император Николай Павлович, а Федор Тютчев посвятил ей свое знаменитое стихотворение «Я встретил вас».

Здесь же находился портрет Каролины фон Хольнштайн, матери Максимилиана. Его мать умерла два года назад в замке Фронберг. Ей было всего сорок четыре года.

У портрета красавицы Каролины Максимилиан фон Хольнштайн замедлил шаг.

28. April 2018. Schwangau, Regierungsbezirk Schwaben, Bayern / 28 апреля 2018 год. Швангау, округ Швабия, Бавария

Спустившись на завтрак в малый салон (так называла Грета большую комфортную кухню с камином, массивным столом и стульями по центру, диваном, креслами, журнальным столиком), Сильва увидел молодую девушку, возившуюся у плиты. Милая толстушка лихо управлялась с омлетом.

– Доброе утро. Я Анка, – представилась она.

Вчерашний день пребывания Сильвы в Баварии (а сегодня начался уже четвертый день с момента его приезда) прошел спокойно. Никаких нападений, наездов и попыток запугать. Так что к вечеру Сильва расслабился: вряд ли случай с автомобилем как-то связан с ним лично и уж тем более с его отцом. Нет, Шлоссер ошибается. Сильва рассудил, что идиоты на дорогах встречаются повсюду, и успокоился. Вдобавок вчера ему пришлось демонстрировать свои поварские способности, и Грета вполне благосклонно оценила его старания.

Накануне утром, спустившись, как всегда, на завтрак, Сильва увидел плачущую Урсулу. Хоть Грета и старалась успокоить домработницу, однако лицо тетушки выражало недовольство.

– Что случилось? – спросил он, – у вас проблемы, фрау Урсула?

– Моя дочь попала в больницу. Мне нужно уехать на несколько дней, потому что зять один не справляется. Он рано уходит на работу и не успевает отвезти детей в школу и приготовить еду.

– Что-то серьезное с дочерью?

– Не знаю. Когда сегодня утром зять позвонил, я так разволновалась, что даже не спросила, что произошло. Фрау Генриетта, – тихо обратилась она к хозяйке, – я должна поехать и помочь им.

– Я не могу запретить тебе, Урсула. Если ты считаешь, что нужно ехать к детям, поезжай. Попробуем без тебя справиться с обедами и ужинами.

– Я закупила свежие продукты на два дня. Морозильная камера также полна. Не думаю, что задержусь надолго. И, если хотите, могу вам порекомендовать очень хорошую девушку, она заменит меня на какое-то время. У нее есть опыт работы, к тому же она прекрасно готовит. Вежливая и ответственная. Она вам поможет справиться с хозяйством.

– Я не терплю незнакомых людей у себя дома, Урсула, ты же знаешь. Мы уж как-нибудь сами, – вздохнула Грета. – Сильва, ты хороший повар?

– Вполне. Не волнуйтесь. Я возьму на себя поварские обязанности.

Урсула благодарно улыбнулась Сильве.

– Спасибо. Я не буду долго отсутствовать, – теребила она кончик фартука. – А если понадобится помощь, обратитесь к Анке. Я вам гарантирую, что девушка очень порядочная. У нее есть опыт и знания.

– Оставь ее номер телефона на всякий случай. Посмотрим.

– Грета, я справлюсь. – Сильва подошел к плите. – Прямо сейчас приготовлю нам горячие тосты. А фрау Шварц мы отпускаем.

– Нет-нет, завтрак я уже приготовила. Вам ничего не нужно делать. А я пойду, если вы не возражаете, – вздохнула она.

Вот так они остались вдвоем: Грета и Сильва. Вернее, втроем: кот Теодор – тоже член семьи. Причем очень важный.

Сильва планировал посетить в этот день два замка – Хоэншвангау и Нойшванштайн, однако решил, что в Нойшванштайн можно поехать завтра: приготовление обеда никто не отменял, и обещание нужно выполнять.

Между завтраком и обедом Сильва продумывал предстоящий визит в замки «сказочного короля» (так прозвали баварского короля Людвига Второго за его необычный стиль жизни и тягу к красоте, которую он воплотил в строительстве замков). За чтением рассказов о жизни короля Людвига Сильва взгрустнул.

– Печальная история, Тео, – поделился он своими мыслями с котом. – Больше всего на свете король желал одиночества. Он был романтик и мечтатель, любил сказки и легенды. Но он был король, понимаешь... Не все могли понять его тонкую душу, а он искал свою совершенную иллюзию. И еще он любил Вагнера. Надо же, я тоже люблю Вагнера. «Лоэнгрин» – божественная музыка. Знаешь, Тео, мой дед Рудольф научил меня слушать и понимать классику. А ты, дружок, любишь Вагнера? – почесал он кота за ухом. Тот в ответ довольно заурчал. Да так громко, грубовато и с переливами, что Сильва его расцеловал. Тео с удовольствием поддался человеческой ласке. – Ну, ты трубишь, как музыкальный инструмент. Вот и проверим вечером, нравится ли тебе Вагнер. Послушаем тихонько перед сном. Э-э... вместе с рыцарем... – Сильва в который раз обратил взгляд на картину в старинной золоченой раме: плывущего в лодке с лебедем Лоэнгрин.

Он мало разбирался в живописи, но рыцарь с полотна его заворожил. Зрачки Лоэнгрин были направлены прямо на него, даже когда он смотрел на картину из дальнего угла комнаты или снизу. Рыцарь как будто поворачивался вслед за ним. «Вот как они это делают? – подумал Сильва о художниках, которые добиваются в своих портретах эффекта следящего взгляда. – Это мистика? Трюк? Свет, тень, перспектива?» Наверное, человеческий глаз так устроен, что мы воспринимаем оптическую иллюзию как реальность...

Приготовив на обед куриные грудки (Урсула накануне замочила их в каком-то божественном соусе) и легкий овощной салат, Сильва пригласил Грету к обеденному столу. Тетушка поглощала блюдо с удовольствием, одобрительно кивала и оценила его кулинарное мастерство на твердую четверку (до пятерки грудки, по ее мнению, не дотягивали: оказались чуть суховаты). На десерт в холодильнике имелись замечательные пирожные, купленные Урслой ранним утром в булочной Швангау. Грета сопровождала обед эльзасским рислингом, а Сильва от вина отказался: во избежание возможных неприятностей наподобие вчерашних он собирался поехать в замки на машине.

После обеда Сильва бродил по Хоэншвангау. В средние века Лебединый замок стал центром миннезингеров. Сам Тангейзер¹⁷, по преданиям, гостил в Хоэншвангау во время возвращения из своего паломничества в Рим. Рыцари Швангау владели замком несколько столетий. В шестнадцатом веке рыцари покинули эти места, и Хоэншвангау постепенно разрушался. Отец Людвига, Максимилиан, приобрел оставшиеся руины и приказал отреставрировать замок. А немецкие художники-романтики, вдохновляясь средневековыми легендами, создали чудесные настенные росписи.

^{17 16} Тангейзер – немецкий средневековый поэт XIII-го века. Его жизнь и личность стали темой для немецких народных легенд и сказаний. Миннезингеры – немецкие и австрийские средневековые поэты-музыканты, преимущественно из рыцарского сословия. Обобщенное название искусства миннезингеров – миннезанг – воспевание любви.

Хоэншвангау и сейчас принадлежит королевскому Дому Виттельсбахов; часть его закрыта: там находятся жилые помещения семьи. Однако и того, что открыто для публики, достаточно, чтобы понять, в какой романтической атмосфере воспитывался юный принц Людвиг. Именно здесь «сказочный король» открыл для себя мир рыцаря Лоэнгрина, неотделимый от истории «лебединого удела» Швангау и его рода.

Гуляя по замку и парку, Сильва беспрестанно думал о маленьком мальчике, баварском кронпринце Людвиге, формирование которого проходило в родовом поместье Хоэншвангау. Детство и юность, проведенные здесь, и тот факт, что воспитанием мальчика ни отец, Максимилиан Второй, ни мать, Мария Фридерика Прусская, не занимались и с иронией воспринимали фантазии сына, отдаляли Людвигу от мирской суеты и погружали в мир грез и сказочных героев, который впоследствии юный король пытался воплотить в своей королевской жизни.

Да и сами альпийские пейзажи, где король позже возводил свои замки, пробуждают романтическое отношение к действительности. Среди этих гор, лесов, озер и ущелий так естественно мечтать и предаваться элегическим настроениям! Здесь сама природа навеивает мысли о средневековых рыцарях, миннезингерах, сказочных феях, лесных существах (добрых и не очень) и чудесах.

Сильва подумал, что человеку с ранимой и возвышенной душой, которой, несомненно, обладал Людвиг, невозможно оставаться равнодушным к романтике этих мест, средневековым легендам и музыке Вагнера.

Вечером Сильва и Теодор слушали в «Ютьюбе» «Лоэнгрин». Негромко, чтоб не мешать хозяйке. Картинный рыцарь неустанно «следил» за слушателями. А когда Сильва прикрывал глаза, ему чудилось, что картина оживала: по темно-синей поверхности воды шла легкая рябь, лебедь, тянущий лодку, расправлял крылья, а Лоэнгрин был готов выйти за пределы золоченой рамы.

Коту музыка нравилась. Правда, когда звучала тема зла и в действие вступали виолончели и фаготы, Тео начинал подрагивать. Хотя, возможно, кот просто дрожал во сне, а у Сильвы разыгралось воображение.

* * *

– Что вы будете пить, – поинтересовалась Анка, управляясь с омлетом и тостами.

– Чай, – ответила Грета.

– Чай, – повторил Сильва.

Анка уточнила:

– Зеленый, черный? Я не успела расспросить Урсулу, какой чай вы предпочитаете, фрау Генриетта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.